

С. И. ГРОУВ

Смертельный Туман

В лучших традициях
Филиппа Пулмана
и Корнелии Функе

Annotation

Новая беда пришла в разобщенный мир. Странный туман окутывает улицы и дома, он одурманивает головы так, что люди предстают друг другу в виде чудовищ, но самое страшное во всем этом – многих после тумана находят мертвыми. София Тимс, ведома авзентинийской картой, узнает, что близ городка Оукринг в штате Нью-Йорк, у южных берегов Жуткого моря, в Черепаховой долине есть тайная роща, где время от времени собираются лакримы – люди без лица. Что, если там, среди них, находятся и ее родители? И София с друзьями отправляется туда, в неизвестность, несмотря на мыслимые и немыслимые опасности, поджидающие ее в пути.

«Смертельный туман» продолжает предыдущие романы-бестселлеры С. И. Гроув «Стеклянная карта» и «Золотое снадобье». Автор перевода – Мария Семёнова, создательница знаменитого сериала о Волкодаве и других известнейших книг в историко-фэнтезийном жанре.

С. И. Гроув

Смертельный туман

Посвящается Роуэн

S. E. Grove

THE CRIMSON SKEW

Copyright © 2016 by S. E. Grove

Maps by Dave A. Stevenson

All rights reserved

© М. Семёнова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

В то время трое детей сопровождали меня пешими, один ехал на лошади, и еще одного я несла за спиной.

Кукуруза в тот год уродилась знатно. Мы уже убрали часть урожая и заложили храниться на зиму.

Через день или два после стычки у озера Конниссиус на реку Дженисси прибыл во главе армии Салливан, и его солдаты дотла уничтожили все съестное, на что только смогли наложить руки. Вот и наш урожай они частью сожгли, частью побросали в реку. Осталась после них лишь голая земля и на ней – ободранные остовы деревянных домов. Индейцы, впрочем, скрылись, их так и не схватили.

Армия несколько раз переправлялась с одного берега на другой, завершая свою разрушительную работу, после чего маршем двинулась на восток. Наши индейцы видели, как они уходили, однако заподозрили, что Салливан собирался внезапно вернуться и захватить нас врасплох. Поэтому было решено: основная часть племени останется и продолжит охотиться неподалеку от нашего укрытия. Пусть Салливан уберется подальше, чтобы не смог застигнуть нас и напасть!

Все с этим согласились, и мы продолжали охотиться, пока индейцы не сочли, что мы можем безбоязненно вернуться на свои земли. Так мы и поступили. Представьте чувство, охватившее нас, когда оказалось, что нигде невозможно отыскать ни кусочка съестного! Ни горстки еды, чтобы хоть одному ребенку на день отсрочить голодную смерть!

К тому времени уже наступили холода, начались осенние непогоды. А у нас – ни крова над головой, ни пропитания. Вот я и решила без промедления забрать детей и попытаться выжить в одиночку.

Дегевэрнис (Мэри Джемисон из народа сенека), 1779

КАРТА НОВОГО МИРА, включающая НЕИЗУЧЕННЫЕ ЗЕМЛИ

СОСТАВИЛ
Шадрок Э.м.и.
МАСТЕР-КАРТОЛОГ

Новый Запад

и ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ ЭПОХИ

СОСТАВИЛ

Мадрак Элли,

МАСТЕР-КАРТОЛОГ

ЖУТКОЕ МОРЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

ЖУТКОЕ МОРЕ

* * *

Как вы понимаете, мы видели своей главнейшей задачей предотвращение распространения Передовой эпохи, равно как и спасение собственных жизней, – увы, тот раз я не смог по своему обыкновению дать волю научному любопытству. Итак, что нам удалось выяснить?

Мы знали, что Бланка, лакрима, державшая меня в плену, в своей деятельности опиралась на нигилизмийских неофитов. Нам было известно, что Бланка вторгалась в их разум, стирая многие воспоминания устройством в виде песочных часов: я своими глазами видел эту жуткую процедуру. Несчастные, которых сама она называла големами, в дальнейшем хранили ей абсолютную верность; подозреваю, в первую очередь оттого, что ее всемирные планы, казалось, сулили им возможность вернуться в Истинную эпоху. Как и Бланка, они полагали, что последствия Великого Разделения могли быть некоторым образом обращены вспять.

Однако число возникших вопросов превысило и до сих пор превышает количество ответов. Как она находила и вербовала големов? Из каких эпох они происходили? И самое

главное – что они будут делать теперь, когда Бланки не стало? Уйдут в тень, исчезнут из вида? Вновь заявят о себе, преследуя новую цель – более грандиозную. А может быть, и более ужасную?

Из личных докладов Шадрака Элли премьер-министру Сирилу Блаю

23 июля 1892 года

Дорогой Шадрак!

Погода на Территориях стоит по-прежнему отвратительная. Над головой неподвижно висят низкие тяжелые облака: кажется, они здесь навсегда. Я уже и не помню, когда мы последний раз видели солнце.

Между тем положение дел определенно меняется к худшему. Сегодня произошло нечто новое и необъяснимое. Не знаю, удастся ли достоверно описать? Позволь, я расскажу тебе, что случилось.

Посреди ночи меня разбудила возня у моей двери. За нею я увидел Эстер – свою знакомую из городка Грушевый. И выражение у нее на лице было такое, какое я видел только однажды – у человека, сумевшего удрать от лесного пожара. Горе, смятение, невозможность поверить в случившееся мешались в ее взгляде. Она как будто не знала, на каком свете находится – среди мертвых или с живыми.

«Каспер? – прошептала она. – Это ты?»

Я подтвердил, что это и впрямь я. Она принялась рассказывать, но так непонятно, что мне несколько раз пришлось просить ее повторить. Но даже и разобрав наконец сказанное, я так и не сумел уловить его смысла.

Эстер поведала мне, что все началось вечером, незадолго до заката: было еще достаточно светло, чтобы разглядеть происходящее. Она постирала одежду детей и развешивала ее на веревке, когда через каменную садовую стену засочился красноватый пар. Пока женщина гадала, что это такое, странное явление достигло ее и стало подниматься, поглотив бельевую веревку, скрыв от взгляда самый дом. Некоторое время Эстер просто стояла, борясь с нарастающим беспокойством. Пар вначале источал приятный запах, сладкий, цветочный. Потом запах изменился, стал неприятным. Теперь он отдавал тухлым мясом.

Эстер услышала в отдалении пронзительный крик и перепугалась до смерти. Разгоняя руками туман, она бросилась к дому. Все тот же пар заполнял каждую комнату и все коридоры. Эстер почти ощупью пробиралась внутри дома, панически окликающая детей. Потом она увидела незваных гостей. Это были три гигантские крысы, каждая ростом со взрослого мужчину, с желтыми зубами, с черными безжалостными глазами. Эстер вооружилась кухонным ножом и погналась за крысами по дому; о том, что они могли сотворить или уже сотворили с ее детьми, она даже думать боялась.

Наконец крысы затворились в буфетной и зашипели на нее через дверь.

Эстер же нигде не находила детей.

Она все отчаяннее звала их, затем, спотыкаясь, выбралась наружу. И поняла, что ее крикам вторил целый хор – со всех сторон, из каждого дома Грушевого. Паника охватила весь городок. Неясное сомнение шевельнулось в сознании Эстер, но его природу она понять не могла. Ясно было одно: что-то в мире неправильно!

Это все туман, наконец сообразила Эстер. Я спятила. Это оттого, что появился туман!

Она двинулась вперед по дороге, между тем как слева и справа доносились ужасные звуки. К тому времени, когда она выбралась из Грушевого, уже пала темнота. Тем не менее

она поняла, что странный туман остался позади, ибо сознание начало проясняться. Оглянувшись на городок, она не увидела ни огонька в ночной темноте, лишь доносились непрерывные крики и вопли. Побуждение вернуться и продолжить поиски детей боролось с намерением искать внешней помощи. Все еще не придя в себя после случившегося, Эстер кое-как добралась сюда и разбудила меня, невзирая на глухой час.

Я немедленно собрал всех на совет, и уже через час мы ехали по дороге, что вела в Грушевый. Мы прибыли туда с первыми проблесками рассвета, столь же промозглого и сырого, как и все предыдущие. Красно-малиновый туман успел рассеяться, но отметины оставил, да какие!

Все кругом покрывала тончайшая пленка чисто-алого цвета. И каменную стену, окружавшую Грушевый, и каждый лист каждого дерева, и все крыши, и улочки. Медленно въезжая в притихший городок, мы увидели и другие последствия странного явления: пострадавших. Человеческие, не побоюсь этого слова, развалины.

Первым нам встретился мужчина, он сидел на крыльце дома, держа в руках ишурованный женский ботинок. Мы окликнули его. Но он не обратил на нас никакого внимания. Я приблизился, спросил, не ранен ли он. В конце концов он поднял глаза, показал ботинок и произнес: «Волки не носят обуви...» Казалось, это заявление потрясло его самого. Больше мы ничего не добились от этого человека.

Некоторые дома и амбары оказались сожжены самими жителями. От них шел чудовищный запах. Многие другие дома стояли в целости, со злоеце приоткрытыми дверями. Сквозь щели я заметил переломанную мебель, порванные шторы, разбитые окна...

Дальше, Шадрак, я описывать не буду: картина открывалась слишком ужасная. Полагаю, те несколько ночных часов унесли жизни половины обитателей Грушевого.

Мы вернулись к дому Эстер. Конечно, бедная женщина была глубоко потрясена. Она дрожала, идя рядом со мной, и заговорила только у самого дома.

«Не пойму я кое-чего...» – сказала она.

Я ответил:

«Я тоже очень многого не понимаю».

«Каким образом, – пропустив мои слова мимо ушей, продолжала Эстер, – крысы сумели забаррикадироваться в буфетной?..»

Признаться, до меня не сразу дошло, о чем вообще она говорит. На фоне общей катастрофы вопрос казался мелким и глупым... Без сомнения, правда приоткрылась Эстер задолго до того, как я что-либо заподозрил. Но затем, когда мы подошли к дому, я понял. Охваченная внезапным сомнением, Эстер бросилась внутрь, поспешила к двери буфетной и требовательно застучала.

«Откройте! – всхлипывала она. – Умоляю, откройте!»

Внутри началась возня, от двери один за другим отодвигали тяжелые предметы. Наконец она приоткрылась... Сквозь щелку на нас круглыми от страха глазами смотрели трое ребятшек Эстер.

Так вот что случилось, Шадрак! Произошло искажение, излом восприятия: видимая реальность приобретает ужасающие черты. Выжившие и сумевшие прийти в себя люди рассказали нам о своих видениях – очень различных, но неизменно пугающих. На самом деле не было никаких чудищ, вторгшихся в дома. Это туман сделал так, что жители Грушевого ополчились одни на других.

Если его вызвала деятельность человека, перед нами акт доселе невиданной

жестокости. Если причина природная, ее стоит бояться нисколько не меньше. Я спрашиваю тебя: что это такое? Винить ли погоду, так долго нам досаждающую, или здесь нет никакой связи? Единичен ли инцидент в Грушевом, или подобное еще где-то случилось? Пожалуйста, поделись со мной, если тебе что-то известно.

(Это письмо, согласно твоей просьбе, будет передано Энтвислу. Жду указаний, как в этом плане поступать в будущем.)

Твой Каспер Беринг

Часть I
Облака

2 августа 1892 года, 7 часов 20 минут

Хотя закон Объединенных Индий и различает купцов и пиратов, защищая привилегии первых и преследуя – по возможности – вторых, на практике отличить их почти невозможно. Те и другие обладают в Индиях собственностью, зачастую роскошной. Те и другие оказывают заметное влияние на правительство Индий. Те и другие находят удовольствие в мореплавании и торговле с другими эпохами. Постороннему наблюдателю действительно трудно различить, где кончается купечество и начинается пиратство.

Шадрак Элли. История Нового мира

Софию разбудило пение. Тихий, приятный женский голос выводил неторопливую мелодию; песня рассказывала о русалках, звездном серебре и лунных бликах на морских волнах. Мгновением позже София вспомнила, где находится: на острове Испаньола, в поместье Каликсты и Бартона Моррисов.

София удовлетворенно вздохнула и вытянулась на мягких простынях. Она еще полежала, не открывая глаз, слушая пение Каликсты: та одевалась, расчесывала волосы. Песню неожиданно прервал испуганный вскрик и удар, словно бы сапогом по сундуку.

– Где мои черепаховые гребни?.. – скорбно зывала Каликста.

София открыла глаза и улыбнулась. В затененную комнату пробивались тонкие лучики света. Жалобы в соседней комнате сменились яростными проклятиями. София наконец слезла с кровати и распахнула высокие деревянные ставни. Открылся вид на маленький балкон. Солнце в Испаньоле было просто безумное. София прикрывала глаза ладонью, пока они не привыкли к слепящим лучам. От зрелища раскинувшихся земель имения и сверкающего океана за ними привычно перехватило дух. Мраморные ступени спускались к длинной лужайке, обрамленной бугенвиллеями, стрелициями и жасмином. Прямая дорожка, вымощенная белым камнем, вела через лужайку к берегу. Там, у частной пристани, на искрящихся волнах безмятежно покачивался «Лебедь».

– София! – окликнула Каликста.

София неохотно вернулась в комнату. Каликста держала нечто похожее на развевающуюся занавеску цвета лилово-розовой фуксии.

– Смотри, какую прелесть я нашла! – с торжеством проговорила она. – Как раз тебе подойдет!

– А что это? – неуверенно спросила София.

– Самый лучший шелк из Нового Орлеана, – сообщила Каликста. – Примерь!

– Сейчас?..

– Полдень скоро, лентяйка! Надо кучу планов составить, с людьми встретиться. Я настаиваю, чтобы ты оделась как следует!

– Ну ладно, – уступила София.

«Ясное дело, Каликста уже все распланировала, – сказала она себе. – И всех по местам в этих своих планах расставила...»

По пути из Севильи через Атлантику она успела убедиться, что с пиратской капитаншей лучше не спорить.

Скинув ночную рубашку, она позволила Каликсте облачить себя в шелковое платье, в самом деле оказавшееся очень красивым. София придирчиво изучила свое отражение в высоком зеркале возле кровати.

– Я выгляжу, – сказала она, – маленькой девочкой в роли Каликсты Моррис, знаменитой пиратки. Дышать невозможно! – София потянулась к бретельке. – Сниму я его.

– Ни в коем случае, – рассмеялась Каликста. – Сейчас причешем тебя, подберем чулки, ботинки... чуть-чуть пудры, апельсиновой воды... и все!

Она быстро чмокнула Софию в щеку.

– Кстати, ты уже совсем не маленькая девочка, радость моя... – Повернулась к двери. – Что тебе, Милли?

На пороге стояла горничная в черно-белом форменном платье.

– Вам завтрак здесь накрыть или внизу, госпожа капитан?

– А остальные уже проснулись?

– Все внизу, госпожа капитан. Кроме вашего брата.

– Лежебока, – пробормотала Каликста. – Спасибо, Милли, мы скоро спустимся.

Девушка коротко поклонилась и вышла.

– Я только вещички возьму. – София потянулась за сумкой.

Каликста придержала ее за руку.

– Здесь безопасно, София, – сказала она. – Наш дом – твой дом, тебе совершенно нечего опасаться. Нам не придется удирать безо всякого предупреждения. Можешь спокойно оставить вещи здесь, в спальне!

София благодарно сжала руку Каликсты:

– Я знаю. Спасибо тебе. Я только часы вытащу...

Шторы камчатного полотна, зеркала в позолоченных рамах, изящная мебель с голубой и кремовой обивкой... ненавязчиво-роскошная обстановка несла отпечаток вкусов Каликсты. Рюкзачок Софии, ее сумка, книги, одежда – все такое серенькое, изрядно потасканное после двух плаваний через Атлантику и трудное путешествие в глубинку Папских государств – выглядели грязной кучкой, совершенно неуместной посреди шикарных хором.

– Готово! – сказала она, убирая жизнечасы в потайной кармашек розового платья.

– Тогда – вниз, – велела Каликста.

Фуксия, говорите? Пиратка сама нарядилась на загляденье – облачилась в платье из лимонного шелка, с золотой отделкой. А как величественно она плыла вниз по мраморным ступеням, небрежно скользя рукой вдоль полированных перил!..

Их товарищи по путешествию уже расселись в удобной комнате для завтрака. На белом диване у окна бок о бок сидели Эррол Форсайт, сокольничий из Потаенной империи, и Златопрут, Вещая с окраин Доисторических Снегов. Они зачарованно смотрели наружу, на блистающий океан. Софии подумалось, что эти двое так же скверно соответствовали раззолоченному интерьеру, как сама она – платью цвета розовой фуксии. Сравнение ее позабавило. Златопрут сидела, словно аршин проглотив, бледно-зеленые руки сложены на коленях, длинные волосы растрепались на ветру. Она выглядела травяной кочкой на изысканном фарфоровом блюде. Эррол, чья одежда износилась еще хуже, чем у Софии,

задумчиво потирал щетину на подбородке, глядя в окно. Сенека, сокол Эррола, моргал, нахохлившись у стрелка на плече. Вид у птицы был несчастный и недовольный.

Кажется, в своей тарелке чувствовал себя только Ричард Рен, капитан из Австралии. Он стоял у окна, по-морскому широко расставив ноги, и любовался видом, безмятежно жуя поджаренный хлеб.

– Смею полагать, все хорошо почивали? – осведомилась Каликста, скользя к столу, где ждали фрукты, свежие булочки, масло, джем, кофе и сахар.

– Даже не помню, когда последний раз спал с такими удобствами, – салютуя куском тоста, воскликнул Рен. – Этот успокаивающий ропот прибора, мягчайшие подушки... а перины и вовсе не с чем сравнить. Каликста, я всерьез опасаюсь – как только наше приключение счастливо завершится, ты обнаружишь меня у своего порога. Я буду незваным, но очень настойчивым гостем!

– Милости прошу, – польщенная, заулыбалась Каликста.

– Спасибо тебе за гостеприимство, – вставая с диванчика, проговорила Златопрут. – Какое счастье – наконец-то оказаться на твердой земле, притом в дружественных владениях! Вы с братом предоставили нам такой безопасный кров, о котором мы давно уже и не мечтали...

Помнится, увидев «Лебеда» в севильском порту, София забеспокоилась: как у Златопрут с Эрролом сложится знакомство с ее друзьями-пиратами? Каликста и Барр – шумные, общительные, веселые. Эррол и Златопрут, напротив, тихие и серьезные. К некоторому удивлению девочки, через несколько часов все четверо выглядели давними приятелями. Видимо, они изначально показались друг другу не чужими из-за дружбы с Софией, а в ходе общения каждая пара почувствовала в другой наиболее ценное качество: верность. После этого Златопрут с Эрролом с легким сердцем забавлялись некоторой, с их точки зрения, развязностью пиратов. А те – перестали обращать внимание на «неисправимую угрюмость северян».

Наблюдая за столь неожиданной дружбой, только крепнувшей по ходу месячного плавания, негласная душа пиратской команды, Бабуля Перл, стала любовно именовать приятелей «четверкой ветров». Если она не ошибалась, среди этих ветров капитан Рен был вроде океанского течения. Его дружелюбный характер, полный тепла, позволял легко примениться к любым обстоятельствам. Он умел бывать то шумным и хулиганистым, то серьезным и молчаливым.

– Согласен, – говорил между тем Эррол. – Еще денек, и мы с благодарностью откланяемся...

– Ну уж нет! Меньше чем на неделю не соглашусь! – восстала Каликста.

Два южных ветра очевидно обладали большей энергией и волей, ласково, но неуклонно пересиливая два других.

– Счастье же, – продолжала Каликста, щедрой рукой накладывая себе сахар в кофе, – предоставить вам безопасный приют, ведь по нынешним временам это такая редкость!

Накануне вечером, явившись домой, путешественники обнаружили в доме здоровенную пачку скопившихся за месяц газет. Невзирая на усталость, мореплаватели тут же бросились их читать, по ходу дела обмениваясь впечатлениями. Милли с другими слугами только поспедали отвечать на вопросы, сыпавшиеся градом. Сколько всего успело произойти! Объединенные Индия объявили эмбарго. Новый Акан с Индейскими территориями вышли из союза. С министра Шадрака Элли, обвиненного в убийстве премьера Блая, сняли все

обвинения. Новый премьер-министр, Гордон Бродгёрдл, объявил войну...

– И что пишут утренние газеты? – спросила Каликста.

Рен ответил:

– Похоже, Новому Западу здорово осложняет жизнь какая-то штука, именуемая «наковальней».

– «Наковальня»? Таверну с таким названием я бы, пожалуй, обошла стороной, – выбирая ломтик ананаса, весело отозвалась Каликста.

Рен криво улыбнулся:

– Вообще-то, речь идет о тучах в форме наковальни. Когда они появляются – жди бури!

Вчера вечером София забрала пачку газет с собой наверх и на сон грядущий внимательно их изучила. Новости были в основном политические, но растущая значимость чего-то под названием «наковальня» невольно привлекала внимание.

– Они этим словом что попало обозначают, – подала она голос. – Все природные возмущения, случившиеся за месяц. Карстовые провалы, бури, наводнения, даже подземные толчки!

– «В Чарльстоне произошел уже второй по счету провал, – вслух прочел Рен заголовок первой попавшейся газеты. – Карстовая воронка поглотила перекресток Биллингс на западе города, а к вечеру заметили вредоносные испарения из провала. – Он сделал паузу. – На внешнем побережье Верхнего Массачусетса облака-„наковальни“ перекрыли свет маяка, что привело к двум кораблекрушениям...» – Капитан покачал головой. – Поистине, странная погода стоит нынче на Новом Западе!

– Все это очень тревожно, – заметила Златопрут. Зеленоватый лоб прорезали морщины. – Подобное сочетание необычных явлений простой случайностью не объяснишь!

– Да уж, – пробормотала Каликста. – Плохая погода не может не раздражать. – И спросила со значением: – А важное что-нибудь пишут?

Рен вновь уставился в газету:

– Стычки на Индейских территориях... впрочем, описанные исключительно общими фразами.

– Весьма сомневаюсь, можно ли верить таким сообщениям, – заметила Златопрут.

– Именно, – согласилась Каликста. – Поневоле задумаешься о надежности источников сведений. А вот Бродгёрдл уж точно всяко-разно старается определить, что нам следует знать, а что – нет!.. Так, а где мой никчемный братец болтается? – благодушно спросила она, примериваясь к ломтику медового бисквита. – Планы обсудить надо!

– Здесь я, здесь, – прозвучал сонный голос с порога. Красавец Барр нетвердым шагом вступил в комнату, потирая физиономию со следами подушки. – Если слухи правдивы, где-то в этом густонаселенном доме можно раздобыть чашечку горячего кофе... Верно это или врут, как обычно?

– Бедненький, – посочувствовала Каликста. – Ты, должно быть, ждал, что кофе волшебным образом появится на столике у кровати?

– Не без того, – проворчал Барр, наполняя из кофейника фарфоровую чашку. – Другое дело, ты славно выдрессировала здешних работников, заставив их думать, что это – их собственный дом, ну а мыслителями они оказались на диво своеобразными... так что кого, собственно, интересуют мои хилые ожидания?

– Хлебни кофейку, братец, глядишь, полегчает. – Каликста пододвинула ему блюдо. – Вот, кекс возьми. Нам нужно как-то связаться с Шадраком, а заодно сообразить, где на

побережье Нового Запада лучше высадиться. Порты-то для нас все закрыты!

– В Новом Орлеане, без сомнения, – подсаживаясь к ней, сказал Рен.

– Если «Лебедь» доставит нас в Новый Орлеан, мы с Эрролом оттуда проводим Софию на север через Индейские территории, – предложила Златопрут.

– Это ж какой крюк для вас, – смутилась София.

Помощь была бы ей очень кстати, но девочка понимала, чего стоил Эрролу каждый лишний день, отделявший его от поисков брата. И не только ему. София вполне отдавала себе отчет в том, что все эти люди собрались здесь из-за нее. Рисковали, терпели всяческие неудобства, лишь бы ей помочь.

– Куда ты, Репеек, туда и мы, – заверил ее Эррол. – Мы ведь обещали благополучно доставить тебя в Бостон и с дядей воссоединить?

Барр угрюмо заметил:

– В Бостоне не будет ни благополучия, ни безопасности, пока там Бродгёрдл.

– Авзентинийская карта говорит, мы пойдем разными путями. – София тщательно подбирала слова, ведь речь шла о том, что ее больше всего беспокоило. – Да, я знаю, мы это уже обсуждали...

Каликста ласково похлопала ее по руке:

– Ты, милая, слишком доверяешь пророческой силе всяких головоломок...

– Когда оглядываешься назад, становится ясно, что авзентинийские карты часто оказываются правдивы, – сказал Эррол. – Но я не вижу, с чего бы нам разлучаться из-за того, что они так предсказали!

– Он прав, Софочка, – согласилась Златопрут.

– Все-таки эти карты – не просто головоломки, – упрямо продолжала София. Они много раз заговаривали о картах, плывя через океан. – Пока сбывается все, что ими предсказано. И я ведь не настаиваю, чтобы мы расставались нарочно! Просто карта нам подсказывает, чего можно ждать. Значит, строя планы, нужно с нею считаться!

Барр вдруг стряхнул остатки сонливости.

– Кстати, о пророческой силе, – сказал он. – Вот как мы отправим весточку Шадраку. Максин!

– Максин – это кто? – хором спросили София и Рен.

– О да, – пробормотала Каликста. – Максин. Отличная мысль!

Барр с довольным видом откинулся в кресле.

– Еще бы! Несколько удивляет лишь твое одобрение... – И повернулся к Софии. – Максин Биссэ живет в Новом Орлеане. Мы много лет с ней знакомы и полностью доверяем ей. Промышляет она, вообще-то, гаданием, отчего моя сестрица слегка воротит нос, но вот что касается переписки, равных ей...

С другого конца особняка долетел крик. Сидевшие за накрытым столом враз замолчали, замерли и прислушались. Скоро раздался заполошный топот бегущих ног и послышался голос Милли, взывавшей:

– Госпожа капитанша! Госпожа капитанша!..

Каликста вскочила. В комнату, задыхаясь, ворвалась Милли.

– Что стряслось?

– Томá видел всадников, – вне себя от волнения ответила Милли. – Скачут по дороге сюда!

– И что с того?

– Он пошел ворота чинить... И вот это принес! – Служанка протянула Каликсте длинный, узкий бумажный лист, зримо потрепанный непогодой. – Последние две недели их повсюду развешивали. Мы им и значения не придавали, а надо было!

Все собрались вокруг Каликсты, которая уже ругалась вполголоса.

Посередине листка красовался рисованный портрет Ричарда Рена. Вполне узнаваемый. По сторонам располагался текст:

Награда: 2000 сребреников
тому, кто схватит и предаст
в руки властей Тортуги
объявленного вне закона
Ричарда Рена.

– Почему вчера мне не сказали? – требовательно осведомилась Каликста.

– Простите, госпожа капитан, – заломила руки Милли. – Мы как-то не подумали. Я только слышала, как вы Ричардом его называли, а одно с другим не связала...

– Сколько там всадников?

– Тома говорит, три десятка, не меньше...

– Многовато, – негромко оценила Каликста.

– Это Лига. – Осознав, что австралийские силы правопорядка, от которых он скрывался, в действительности висели у него на хвосте, Рен покрылся пепельной бледностью. – Видно, по всей Атлантике меня ищут: откуда бы им знать, что я здесь? – Путешественники молча смотрели на него, и он заключил: – Наверно, для всех будет лучше, если я сдамся...

– Ни в коем случае! – рявкнула Каликста.

– Две тысячи сребреников – немалое искушение, – задумчиво проговорил Барр. – Как славно они будут звенеть в резном сундучке, сработанном нарочно для хранения серебра. Мы бы его потряхивали время от времени, с любовью вспоминая...

Каликста закатила глаза:

– Барр! Что ты несешь!

– Да шучу я, шучу, – улыбнулся брат. – Конечно, что касается выдачи, это полная ерунда. – Он ткнул пальцем за окно. – Вон они, на холм поднялись. Еще минута-другая, и будут здесь. Прислуга не слабо натаскана владеть кинжалом и саблей, но острые вопросы лучше все-таки решать за порогом, правда, сестренка? А то еще мебель ценную, не дай бог, попортим...

Каликста тепло улыбнулась ему:

– Иногда ты высказываешь здравые мысли, братишка. – И подбоченилась: – Ну что... значит, на «Лебедь»!

– На «Лебедь», – согласился Барр. – Друзья! Три минуты на сборы!

Еще мгновение они стояли неподвижно. Потом дружно бросились вон из комнаты.

2 августа 1892 года, 8 часов 11 минут

Когда восстал Новый Акан, город Новый Орлеан разделился надвое. Зачинщики мятежа встречались здесь и набирали сторонников, но их противники составляли могущественное большинство. Достоинно удивления, что во время самого бунта город не пострадал еще больше. В основном Новый Орлеан спасся по двум причинам. Во-первых, главной целью восставших были плантации и загородные усадьбы. Во-вторых, при малейших признаках насильственных действий противники мятежа постарались как можно скорей убраться из города. Таким образом Новый Орлеан попал в руки бунтовщиков и по ходу переворота стал фундаментом независимости Нового Акана.

Шадрак Элли. История Нового Запада

София вслух считала секунды. Какое счастье, что ее ветхое барахло, брошенное накануне у изножья кровати, так и лежало все вместе! Некогда было стаскивать нарядное платье: София живо натянула ботинки, побросала одежду в рюкзачок, книги – в сумку и взвалила то и другое на плечи. После чего пулей вылетела из уютной маленькой спальни. Скатилась вниз по ступенькам в комнату, где недавно завтракали.

Барр чудесным образом успел сменить шелковый утренний халат на штаны, белую блузу, сапоги и перевязь с саблей, которую обычно носил. Рен прибежал с рюкзаком, Златопрут – почти с пустыми руками. Эррол сразу отобрал у Софии рюкзачок:

– Дай-ка мне, Репеек...

– Каликста! – заорал Барр.

– Иду, иду, – послышался безмятежный ответ.

– Пытается упаковать все свое барахло, – проворчал Барр, затем поднял голову и закричал: – Радость моя! Может, все-таки бросишь тряпье? В Новом Орлеане новое купишь...

Наверху прекратился скрип лихорадочно выдвигаемых ящиков. Каликста возникла наверху лестницы: все в том же лимонно-золотом платье, перетянутом драгоценным поясом с сабельными ножами.

– Хороший совет, – проговорила она.

– Рад, что оценила, – кивнул Барр. – Итак, коль скоро нашу парадную дверь, к которой я, признаться, весьма привязан, вот-вот разнесут в щепы, отважусь ли настаивать на немедленном отбытии?

Каликста проворно сбежала вниз. Барр повел друзей в тылы дома. Сенека ехал на хозяйском плече, вцепившись в толстую ткань. Стеклопанные двери стояли настежь распахнутыми. Пятеро живо одолели мраморные ступени и побежали по белой дорожке через лужайку.

– Милли уже предупредила команду, – на бегу сказала брату Каликста. – Прямо сейчас якорь поднимают!

София не оглядывалась на всадников, подъехавших к особняку, но услышала крики и поняла – их заметили. Лужайка содрогнулась от конского топота. Длинное и тесное платье отчаянно мешало бежать, София чувствовала, как при попытке прибавить шагу оно трещало по швам. Пираты, Рен, Златопрут уже выскочили на причал.

– Быстрее, быстрее!.. – кричали матросы.

Напрягая все силы, девочка взбежала по трапу. Эррол одним прыжком взвился следом за ней. Трап мигом втащили на борт. Корабль качнулся, паруса поймали ветер... Всадники достигли причала, им пришлось резко осаживать лошадей, поднимая их на дыбы на самом краю. Многие выхватили пистолеты, но дула смотрели вверх.

– Почему не стреляют? – сияясь перевести дух, спросила София.

– Такими пукалками «Лебеда» не потопишь, – отозвался Эррол. Сам он дышал лишь чуточку легче. – А у нас пушки на борту, и они это знают.

Сенека, круживший наверху, пронзительно крикнул и спланировал Эрролу на плечо.

София со стоном осела на палубу.

– Только я порадовалась, что укачивать перестало... И вот опять!

– Что поделаешь, Репеек... – Эррол легонько стиснул ее плечо. – Думай о том, что плавание продлится недолго. А потом – твердая земля! Насовсем! Может, попробуешь счет времени потерять? И не заметишь, как доберемся.

Они знали, что Ричард Рен – беглец. Только не подозревали, на какие меры способна пойти Лига Энкефалонских эпох, чтобы до него добраться. Он ведь некогда был ключевым сотрудником этой Лиги и свято верил в необходимость защиты ранних эпох от разрушительного влияния познаний будущего.

Теперь ему приходилось скрываться от организации, которой прежде служил.

В первый же вечер долгого плавания через океан Рен рассказал товарищам, как «дошел до жизни такой». Они собрались в каюте Каликсты. Барр лениво забавлялся с колодой карт, Каликста чистила пистолет. Эррол зашивал порванный плащ, Златопрут и София молча слушали. Рассказ так заморозил девочку, что отступила даже морская болезнь.

– Как ты уже знаешь из дневника своей мамы, – начал Рен, имея в виду страницы, скопированные им для Софии, – Минну и Бронсона я встретил в феврале тысяча восемьсот семьдесят первого года. Благополучно оставив их в Севилье, я вернулся на «Гнездышке» в Австралию. Вскоре после прибытия меня и всю команду арестовали. – Он криво улыбнулся. – Обвинений насчиталось великое множество. Все вертелось вокруг того, как я многократно нарушил закон, выручая твоих родителей. И хуже всего было то, что я подарил им часы. Меня без долгих проволочек приговорили к длительному тюремному заключению. Если конкретно – к десяти годам. Хорошо хоть почти никого из экипажа не привлекли...

– Откуда же они узнали, что произошло в море? – удивилась София. – Как такое возможно?

– У Лиги свои способы узнавать очень многое, – отмахнулся Рен. – Порой они кажутся всеведущими...

– Доносчик? – спросила Каликста.

Пистолет лежал разобранный на чистой тряпице. Начищая рукоять, пиратка бросила на Рена проницательный взгляд.

– Моя команда вне подозрений, – заверил капитан. – Долго объяснять... Сведения собираются способами, которые вам трудно даже вообразить. Лучше я расскажу, что меня, собственно, возмущает. – И он принялся загибать пальцы. – У каждой эпохи есть свое главенствующее учение. В покинутых нами Папских государствах это религия. Она организует и направляет все формы познания. На Новом Западе, где так высоко ценят картографическое мастерство твоего дяди, София, это наука. Прежде Великого Разделения в Австралии также царствовала наука. Но мы воссоединились с эпохами будущего, и они сильно повлияли на нас. А в грядущих эпохах всем правят искусства. Они называются «арсы».

Слушатели ждали. В руках Барра шелестели, поскрипывали карты – он перебрасывал их из ладони в ладонь. В его голосе прозвучало недоумение:

– Это что, типа как картины рисовать? Музыка сочинять?

– Верно, это формы искусства. – Рен жестом обвел каюту, увешанную картинами из жизни Испаньолы, приобретенными и бережно сохраняемыми хозяйкой.

У двери висело полотно, изображавшее девушку, рубящую кокос. Стену над стойкой со свернутыми картами занимала сцена морской битвы. Напротив пламенел штормовой закат. Яркие краски замечательно оживляли темные деревянные стены.

– В них куда больше могущества, чем обычно кажется людям, – продолжал Рен. – Каждый холст оказывает воздействие, на первых порах, возможно, неосознаваемое. Думаете, почему Каликста вообще на них внимание обратила? Каждое по-своему влияет на душу...

Каликста подняла взгляд от работы:

– Еще бы!

Рен кивнул:

– Рад, что ты согласна со мной. Однако следует знать, что в основе всего лежит энергия арсов – интуиция, интерпретация, сила воображения. «Три глаза», как еще говорят. Эта энергия может направляться в живопись, музыку, театр, скульптуру, как водится в ваших эпохах, но может излиться и в чтение, понимание, формирование мира как такового. Людских умов, городов, обществ, лика земли...

– Не могу в толк взять, – без обиняков признался Эррол.

Плащ лежал у него на коленях, про штопку он успел позабыть.

– Верно, – сказал Рен. – Пока лично не увидишь, на что способны арсы, это почти посрамляет воображение. Точно так же, как мир, видимый в микроскоп, невозможно представить, пока сам не...

– Что такое микроскоп? – спросил Эррол.

Рен улыбнулся:

– Я слишком сложно объясняю. Эррол... вот каким образом ты втолковал бы сущность Истинного Креста человеку, который никогда о нем даже не слышал? София, как ты рассказала бы о достижениях современной тебе медицины? Таковы арсы: это система смыслов, и за ней такая бездна столетий, что и к начаткам-то понимания подобраться непросто. А если погрузиться в нее полностью, очень трудно объяснить несведущим систему посылок, которые начинают казаться самоочевидными. Ты их понимаешь, но каким образом – не истолковать.

– И вот этот секрет Лига так ревностно охраняет? – спросила София. – Существование арсов?

Она и сама не полностью поняла объяснения Рена, но мысль, что арсов невозможно

постичь, пока не пощупаешь, казалась толковой. Таковы были карты памяти, хорошо ей знакомые. Пока не нырнешь в чужие воспоминания – не выразишь, как вообще возможно подобное. Наверное, в этом же духе работали арсы. Обретал жизнь целый мир... Мир, который описать невозможно, можно лишь почувствовать... пережить.

– Нет, нет, – покачал головой Рен. – Это я вам другой раз расскажу. Сейчас я об арсах только упоминаю, чтобы вы поняли, в чем меня обвиняли и за что я получил приговор. Пока я плавал в океане, они ничего не знали, но как только сошел на берег и оказался у них... все тотчас открылось. Я даже не знал, София, что твои родители пытались позвать меня с помощью часов, ведь в то время я уже отбывал срок. Узнал об этом лишь недавно, несколько месяцев назад, когда меня выпустили, но, конечно, было поздно. Тем не менее меня замучила совесть, ведь я дал им обещание и не смог исполнить его. Я связался с Кассией, известной на Новом Западе как Угрызение, и мы разработали план. Изначально он вовсе не затрагивал тебя, Златопрут, но нам стало известно, что случилось с тобой, и Кассии пришлось импровизировать...

– Они вас уже наказали за то, что вы помогли моим родителям, – сказала София. – Значит, и мне помочь не позволят.

Рен посмотрел на свои руки:

– Ты совершенно права, девочка. В Австралию мне уже не вернуться. Я уехал оттуда, зная, что обрекаю себя скрываться до конца своих дней.

София смотрела на него во все глаза, потрясенная тем, скольким этот почти незнакомый человек жертвовал ради нее и ее родителей. Потом подумала о цветных булавках, испещривших карту в подвальной комнате дома: ими Шадрак отмечал места, где вроде бы видели Минну с Бронсоном после их исчезновения. «Только подумать, – сообразила она, – за каждой булавкой стоит человек вроде Ричарда Рена. Человек, который, может быть, мельком видел маму и папу... И решил помочь им, не задумываясь о цене!»

– Значит, Лига вышлет погоню? – спросила Каликста.

– Возможно. Впрочем, подозреваю, у них полон рот хлопот поважнее. Я – лишь маленькая рыбка в их океане. Скорее всего, они забросят довольно редкую сеть, надеясь, что однажды она подцепит меня. А я сделал все от меня зависящее, чтобы этого не произошло...

...И теперь вот казалось, что Рен весьма заблуждался. «А может, – размышляла София, – две тысячи сребреников и есть та самая сеть, заброшенная Лигой? Объявили награду и ждут себе, чтобы пираты, контрабандисты и купцы Индий сделали за них всю работу...»

Увы, совсем забыть про Ричарда Рена Лига покамест была не готова.

Во время четырехдневного плавания до Нового Орлеана Рен серьезно занялся изменением внешности. Объявление о награде рисовало его длинноволосым и бородатым; он наголо выбрил голову. После чего Каликста разрисовала его руки и лицо несмываемыми чернилами, украсив их замысловатыми завитками и фигурными линиями якобы татуировок, характерных для жителей Индий.

«Лебедь» вошел в гавань около полудня. Его команда и пассажиры впервые увидели такое причудливое явление погоды, досаждавшее Новому Орлеану уже несколько недель. По всему горизонту груды хлопковой ваты залегли желтоватые облака.

– В жизни своей не видала таких туч, – пробормотала Златопрут.

– Откуда эта желтизна? – спросила София.

Златопрут покачала головой:

– Понятия не имею. Пыль, может быть?.. – И нахмурилась. – Уж слишком они неподвижные...

Облака низко, давяще висели над портом. Душного, затхлого воздуха не мог разогнать даже бриз с океана.

Мерзкой погоде не удалось погасить лишь энтузиазм Каликсты. Едва бросили якорь, она оставила «Лебеда» на попечение немногочисленной команды, сама же, сойдя на причал, наняла два экипажа.

– Прежде чем отправляться к Максин, – объявила она, – мне кое-что в магазинах надо купить!

Барр застонал.

– Твоя идея была! – возмутилась Каликста.

– Я же это сказал, чтобы поторопить тебя с бегством...

– Слово не воробей, – проговорила Каликста. – Совет был дельный, и я намерена им воспользоваться. София поедет со мной!

– Да не нужно мне ничего... – София при первой возможности переделалась в поношенное дорожное платье. И ей вовсе не улыбалось вновь оказаться закупоренной в замысловатый шелковый кокон, пусть он и отвечал последнему писку моды.

Каликста со значением посмотрела на ее обувь:

– А как насчет новых ботинок?

София тоже опустила глаза. Один шнурок успел порваться в нескольких местах, там красовались узлы. Каблуки давно превратились в сношенные полумесяцы.

– Ну, – смирилась она, – новые ботинки, наверно, не помешают. Нам на север еще ехать и ехать...

– Вот и отлично! – Каликста бодро впихнула Софию в ожидающий экипаж, весело помахала остальным: – Часа через два встретимся у Максин! – И поправилась: – Может, чуточку позже.

Барр закатил глаза:

– Сестренка, ты уж постарайся хоть до ночи управиться...

Каликста устроилась на сиденье, легонько стукнула в крышу:

– Кучер! В обувной Генри на рю Рояль, пожалуйста!

Карета дернулась и покатила вперед. Каликста сжала коленку Софии:

– Ты небось вспоминаешь, как мы прошлый раз тут веселились. И Тео с нами...

София кивнула:

– Да. Кажется, это так давно было...

Она смотрела в окошко на удаляющуюся гавань, припоминая, как «выпала» из времени, пока разыскивала пиратский корабль: внезапное появление Барра, отчаянную гонку к трапу, големов-преследователей... и Тео, целящегося в бочку с патокой. Это воспоминание вызвало у нее улыбку.

– Скоро ты вернешься в Бостон, радость моя, – сказала Каликста. – И Тео обзавидуется, когда узнает о твоих похождениях!

Улыбка Софии окрасилась тоской.

– Надо думать... Особенно если услышит, сколько времени я провела с тобой и с Барром.

Каликста рассмеялась:

– Он, бедняжка, небось позеленел там от скуки... Так вот, – она напустила на себя

деловой вид, – помимо твоих дорожных ботинок, нам обеим не помешают новые шляпки, нижние юбки, как минимум по парочке платьев, домашние тапочки, чулочки, бельишко, я не говорю уже о щетках для волос, шпильках, мыле... что еще я забыла?

– Да хватит, по-моему.

– Ах! – вырвалось у Каликсты. – Кучер, стой! – И стукнула в крышу. – Ну конечно! Духи! И, не успела карета остановиться, пиратка потащила Софию наружу.

– В принципе, я не думаю... – начала девочка.

– Когда речь идет о покупках, со мной не спорят. Это весьма неблагоприятно. – Каликста глянула вверх, где сидел кучер. – Ждать здесь!

Они были вблизи городского центра; вдаль тянулась длинная улица, состоявшая из сплошных магазинов. Напротив шла торговля дамскими шляпками. Две дамы под зонтиками от солнца любовались витриной. Рядом девушка в белом переднике намывала ступени лавочки при пекарне. София прочла вывеску над дверью, к которой вела ее Каликста: «ДИВНЫЕ АРОМАТЫ ВИНСЕНТА ПУЛИО».

Внутри воздух был напоен запахами флердоранжа и миндаля, мускуса и корицы, гардении и розовых лепестков. Каликста сразу направилась к стойке, София огляделась. Всюду такими островками виднелись маленькие столики, заставленные стеклянными пузырьками. На стенных полках теснились тяжелые горшочки с этикетками: «Магнолия», «Жимолость», «Цветочный луг». За стеклянным прилавком стоял солидного вида мужчина с тщательно ухоженными усами. Он вытирал белой тряпочкой замысловатые пульверизаторы, украшавшие выставку.

– Винсент! – приветствовала его Каликста.

– А? – Толстяк вздрогнул, вскинул глаза, обрадовался: – Капитан Моррис!

Бросил взгляд на входную дверь, потом в глубину магазина, где еще один покупатель один за другим пробовал ароматы.

Каликста подозрительно прищурилась:

– Ты, никак, разочарован моим появлением, Винсент? В чем дело?

– Я? – Винсент заметно нервничал. – Нет, ничего... Совсем ничего!

Каликста рассмеялась:

– Я семь лет тебя знаю, Винсент. Что стряслось?

– Каликста Клеопатра Моррис, – прозвучал негромкий голос из глубины магазина.

София оглянулась. Покупатель, изучавший пузырьки, успел встать лицом к Каликсте, вытащив саблю из ножен. У него были длинные курчавые волосы, связанные потрепанным кожаным шнурком в хвост на затылке. На ногах – черные начищенные сапоги. Незнакомец подобрался, как хищник перед прыжком. И прошипел:

– Я не собираюсь называть тебя капитаном, Каликста. Этого звания ты не заслуживаешь!

– О'Мэлли, – произнесла Каликста невозмутимо. – Что ж, я тоже бесконечно рада видеть тебя. Что за муха тебя укусила, что ты с саблей наголо меня приветствуешь? Это, знаешь ли, неприлично. Даже будь сейчас один из тех редких дней, когда ты трезвый...

О'Мэлли сделал шаг вперед и ответил ровным голосом:

– Ты отлично знаешь причину.

Каликста медленно стянула кружевные перчатки и сунула их за корсаж платья, не сводя с О'Мэлли взгляда, полного презрения.

– Право же, я в растерянности. При нашей последней встрече мы мирно ужинали на борту «Лебеда», попивая лучший ром из запасов Барра... Если с тех пор что-то произошло, а

меня девичья память подводит, сделай милость, напомни!

– Дело не в тебе и не во мне, – ответил О’Мэлли. Его губы кривились так, словно в рот попало что-то несвежее. – Все из-за того, что ты сотворила с «Эвридикой». Я вчера только узнал, но весь Новый Орлеан ужасается твоему преступлению! За подобную жестокость нужно ответить!

Каликста опустила руку на рукоять сабли. На ее лице не осталось и тени веселья.

– Восхищена твоим праведным гневом, О’Мэлли, но, может быть, просветишь меня о причине? «Эвридику» я года три не видела. Так какое злодеяние мне приписывают?

– Самое мерзкое! – ответил О’Мэлли, поднимая оружие. – Никогда не думал, что ты способна на подобное! Ты захватываешь корабль, они сдаются... после чего топишь всю команду – и теперь утверждаешь, будто ни о чем слыхом не слыхивала? Тебе не место у штурвала корабля! И я рад, что именно благодаря мне ты никогда больше в море не выйдешь!

Каликста мгновенно выхватила саблю, принуждая О’Мэлли держаться на расстоянии. Ее глаза стали двумя щелками, полными гнева.

– Ты не сказал ни единого слова правды! Я с удовольствием постою за свою честь и за честь «Лебеда», но давай сделаем это на улице. Твои неловкие удары Винсенту все склянки перебьют, а у меня лишних денег нет ему убытки оплачивать. Мне еще на твои похороны раскошелиться предстоит...

– Согласен, – улыбнулся О’Мэлли. – Полагаю, на улице многие с удовольствием увидят, как справедливость постигнет ту, кого некогда величали капитаном Моррис...

Мелькнуло перед глазами – клинки сверкнули, лязгнули один о другой. София невольно ахнула.

– София, – спокойно проговорила Каликста, не отрывая глаз от противника и делая шаг к выходу.

– Что?

– Помнишь имя человека, которого мы ехали повидать?

– Да. Помню.

– Я хочу, чтобы ты вернулась в коляску и попросила кучера тебя туда отвезти. Адрес он знает.

София набрала полную грудь воздуха, призывая всю решимость:

– Нет.

Каликста нахмурилась:

– Делай, как я велю!

– Я тебя здесь не оставлю, – сказала София.

Она смотрела сквозь витрину наружу. С улицы уже заглядывали зеваки, собравшиеся поглазеть на дуэль. Слышался топот ног – собиралась толпа.

– Люди подходят. Если он говорит правду, я не могу оставить тебя!

Каликста по-прежнему пристально смотрела на О’Мэлли.

– Зря ты мне перечишь, София...

– Мне очень жаль. Но я никуда не пойду.

Сабля Каликсты метнулась вперед. Рубашка О’Мэлли повисла двумя лоскутами. Винсент за стойкой вскрикнул и спрятался и больше не показывался. О’Мэлли сделал выпад, его сабля зло свистнула в воздухе. Ближайший столик со звоном и треском обрушился на пол. Каликста подбросила саблю, всадив ее в потолок, и бросилась вперед, ударив О’Мэлли плечом в живот. Это застало его врасплох. Так и не выпустив саблю, он рухнул навзничь и

барахтался, пытаясь подняться, но Каликста уже выхватила из поясных ножен короткий кинжал.

– Сожалею, Финн, – сказала она.

Лезвие скользнуло по сухожилиям над пятками О’Мэлли, по одной ноге и другой. Он ахнул от боли.

– Заживет, – вставая, проговорила Каликста. – Пару недель ходить не сможешь, и все.

Она потрянула головой, глядя на него сверху вниз.

– Жалко мне, что ты склонен верить каждому дурацкому слуху. Я думала, ты лучше знаешь меня.

Выдернула саблю, застрявшую в потолке, убрала в ножны и взяла Софию за руку:

– Идем, радость ты моя непослушная...

Толпа на улице существенно разрослась. При виде Каликсты, стремительно вышедшей из магазина, люди раздались в стороны.

– В карету, – коротко приказала Софии пиратка. Потом велела кучеру: – Езжай! Завернем за угол, скажу адрес. Убедись, что за нами нет хвоста, и я заплачу вдвойне!

2 августа 1892 года, 17 часов 00 минут

Индийские территории происходят из той же эпохи, что и весь Новый Запад. Имеется в виду, что Великое Разделение не проложило между ними границы. Тем не менее политический рубеж место имеет. Он также является и границей исследованного; историки Нового Запада знакомы с народами Территорий далеко не так подробно, как следовало бы. Нам известны лишь два последних столетия их истории, поскольку мы были частью ее. Но что мы знаем о более отдаленном прошлом? О происхождении этих племен? Очень немного...

Шадрак Элли. История Нового мира

В той части Пенсильвании, где стоял отряд Тео, дорог почти не было, только заросшие оленьи тропы да колючее мелкоколесье без конца и без края. Тео и другие члены рабочей команды получили задание превратить эти малозаметные тропы в широкие, надежные дороги, по которым могли бы беспрепятственно перемещаться войска.

Тогда-то и началась бесконечная сырость. Повисли желтоватые облака, воздух сделался тяжелым, малейшее движение превращалось в тяжкий труд. Зато благоденствовала растительность. До такой степени, что сорняки, срезанные накануне, вырастали заново назавтра. Работа была совершенно изматывающая, и сознание цели, которой должны послужить дороги, ничуть не способствовало энтузиазму. Люди расчищали путь армии Нового Запада: та маршировала на запад, чтобы прижать мятежные Территории к ногтю.

Редкие свободные мгновения, выпадавшие Тео, приходилось тратить на бытовые дела, при обычных обстоятельствах едва замечаемые: пообедать, помыться, постирушку устроить... Временами он уставал так, что даже есть не хотелось. Тео насильно запихивал в себя еду, зная: если этого не сделать, мышцы в дальнейшем скрутит невыносимая судорога. Ему удавалось справляться с непосильным трудом, останавливая мысли, отодвигая почти все чувства...

По крайней мере, так было до последних нескольких дней. Тео получил очередное письмо от Шадрака, полное ободряющих слов и новостей бостонской жизни. О своей работе в министерстве Шадрак писал очень мало, а Гордона Бродгёрдла не упоминал вовсе. Имя нынешнего премьера для них обоих служило чем-то вроде рвотного средства. Он подставил Шадрака под убийство, развязал войну в западных землях – и отправил Тео, все знавшего о неблагоприятном прошлом премьера, в самое пекло этой войны. Так что, даже не упоминаемый, Бродгёрдл присутствовал в каждом письме Шадрака и Тео – эдакой огромной и мерзкой лакуной.

Еще Шадрак писал, что о местонахождении Софии по-прежнему ничего не известно. Тем не менее он не сомневался, что племянница вернется домой, надеялся, что война скоро закончится и все они воссоединятся под родным кровом.

Читая письмо, Тео почувствовал глубоко в душе тупую боль. Его тело не желало больше двигаться, каждая мышца сопротивлялась приказам рассудка. Повседневный труд, тяжкий, но все же терпимый – даже самые простые дела вроде чистки башмаков, – вдруг сделался отвратительным, невозможным. Он не хотел больше торчать здесь, в этой глуши, среди прежних сокамерников, на расчистке троп, по которым на запад очень скоро промаршируют тысячи солдатских ботинок. С самого начала все было бессмысленно, но сейчас неправильность происходившего просто кричала.

«Что я здесь делаю?» – спрашивал себя Тео.

Он-то надеялся, что в письме Шадрака найдутся глубоко законспирированные намеки на то, как бы поскорее закончить войну. Шадрак ведь как-никак военный картолог, в правительстве Бродгёрдла ему дана некоторая власть. С другой стороны, Тео не оставлял надежды, что Шадрак умудрится некоторым образом вызволить его с подневольных работ. И теплилась вероятность, что придут хоть какие-то новости о Софии. Вот бы знать, что она счастливо вернулась в Бостон! Тогда ему все опасности стали бы нипочем.

Но Шадрак не написал ни о чем действительно важном.

Всего через несколько дней отряд Тео должен выйти на границы Индейских территорий. Очень скоро они пересекут эту границу... и, очень вероятно, ввяжутся в бой.

Вот так Тео сидел при свече на своей койке, обдумывая, что бы написать Шадраку в ответ, когда вернулся его сосед по палатке. Мужчина, всеми называемый Казановой, вошел в круг света и завалился на свою постель. Он сразу же уловил настроение Тео и поэтому тихо лежал на койке, ожидая, чтобы юноша заговорил первым.

Как и все прочие в отряде, он раньше отбывал заключение в бостонской тюрьме. Собственно, Тео и познакомился с ним в свой первый день за решеткой. Добровольцы и рекруты, составлявшие отдельный батальон, называли подневольных работников арестантами: знаем, мол, откуда вас привезли!

По сути, пребывание в тюрьме в какой-то мере подготовило Тео с товарищами к войне. Добровольцы были неопытными юнцами, вчерашними детьми. Арестанты же – мужчинами разных возрастов, познавшими злую долю и научившимися подчиняться чужой воле. Ни то ни другое им, конечно, не нравилось, но жизненный опыт привил терпение и осторожность, в тягостях солдатчины весьма полезные.

Казанова представлял собой особый случай. Рослый, широкоплечий, с мощной шеей, он походил на боксера. Когда-то он был красавцем-мужчиной. Потом произошло несчастье, о котором он никогда не рассказывал, но после которого он получил ожоги половины головы и лица. Тео видел, как товарищ умывался: шрам тянулся вниз на спину и грудь, уродливый, узловатый. Тео сам носил рубцы от бесчисленных порезов на правой кисти, где кости были железными, но это – другое. Давний случай, изуродовавший Казанову, оставил его таким страхолюдом, что приобрести пугающую репутацию не составило ему никакого труда. Другое дело, что характеру Казановы она совершенно не соответствовала. Он был созерцательно-спокойным, доброжелательным – и относился к Тео как младшему брату.

Каждый день, если не чаще, Тео или кто-то другой подкусывали Казанову, принимаясь расспрашивать его о шраме. Он неизменно отмахивался, так что разгоревшаяся фантазия побуждала их изобретать все более странные обстоятельства. Фигурировали то любимая книга и загоревшаяся палатка, то курица на крыше и чайник, то слепая старушка, дудочка и коробок спичек. Казанова от души хохотал над каждым вымыслом – и молчал.

Спокойный нрав и предпочтение шумным компаниям общество книг Казанова объяснял

своей невиданной трусостью. Иные солдаты обращались с оружием преувеличенно нежно, точно фамильное достояние обихаживали. Казанова едва мог заставить себя прикоснуться к сабле и ружью, которые ему выдали, – закидывал их на ночь под койку, словно швабры. Если кто-либо хвастался победой в поножовщине, он досадливо хмурился. А когда после целого дня муштры кто-нибудь пускал в ход кулаки из-за надуманной обиды, закатывал глаза и отворачивался. Сам он предпочитал поваляться с книжкой в палатке. Впрочем, Тео заметил, что, сколько бы Казанова ни афишировал свою якобы трусость, задирать или оскорблять его никто не решался, а на драку провоцировать – и подавно. Тео решил про себя, что этого миролюбивого человека надежно защищало крепкое сложение и жуткий шрам.

И вот теперь Казанова молча ждал, чтобы Тео начал разговор. Лежал, закинув руки под влажный затылок, – он только что полоскался в ближнем ручье, смывая августовскую пыль. Рассматривал желтую парусину палаточного потолка.

– Каз, – вздохнул наконец Тео. – Ну не знаю я, что бы такое Шадраку написать!

Казанова продолжал смотреть в потолок.

– Что так?

– От Софии никакой весточки. И о войне. И вообще... Ну, ты представляешь. И что я должен ему сказать?

Казанова повернул к нему голову. Половина лица – красивая, улыбающаяся. Другая половина – неровная, узловатая.

– А ты не пиши ни о чем важном. Пиши о всяких пустяках. Он и разницы не поймет.

– О чем, например?

– Да хоть о том, как Лампс вчера завалился. Решил в одиночку тот сук с дороги стащить.

Раз-два! – и сидит по пояс в грязи.

Тео хихикнул.

– Напиши про то, как Лампс битый час из одежды грязь выполаскивал, стоя в реке гольшом. Если кишка не тонка, опиши, как он выглядел без штанов...

Тео расхохотался.

– Еще можешь написать Шадраку, как ты по ним с Софией скучаешь, – успешно рассмешился Тео, мягко добавил Казанова. – И о том, как сильно тебе хочется, чтобы война поскорей кончилась.

Тео глубоко вздохнул и кивнул:

– Все правильно. Так и сделаю. – Провел пятерней по пыльным волосам, устало отложил перо и бумагу. – Завтра утречком напишу...

Казанова некоторое время молча смотрел на молодого человека.

– Я сегодня видел кое-что интересное...

Тео вскинул глаза, услышав, как изменился тон голоса.

– Я про фургон с припасами, что прибыл вчера, – продолжал Казанова. – Я сумел в него заглянуть.

Тео ждал продолжения.

– Вообще-то, я хотел оценить количество продовольствия, думал, может, догадаюсь, куда нас отправят, – прикину продолжительность марша и все такое. Но в фургоне не еда оказалась. Там ящики, а в них защитный доспех.

– Доспех? – с любопытством переспросил Тео.

– Стекланные щитки для глаз, вделанные в кожаные маски.

– Вроде мотоциклетных очков?

– Сам посмотри. – Казанова приподнялся, запустил руку под койку и вытащил спутанный клубок кожаных ремешков с пряжками.

– Начинаю догадываться, как ты угодил в тюрьму, Каз, – дружески прокомментировал Тео.

Казанова натянул кожаный колпак на голову, повернулся к Тео.

– Как сидит? – глухо прозвучал его голос.

Тео нахмурился:

– Трудно сказать. Похож ты, если что, на муху-переростка...

Зеленоватые линзы, выпуклые, продолговатые, были установлены под углом. Это придавало маске печальное выражение. Посередине проходил шов, рот и нос прикрывала грушевидная вставка жесткой ткани. На шее болтались пряжка и ремешок.

– Видишь что-нибудь? – спросил Тео.

– Вижу, но искаженно. – Казанова взял рукой одну выпуклую линзу, с некоторым усилием откинул ее кверху. – Петли туговаты... – Карие глаза моргали в прорезях маски, выражения нельзя было разобрать. – Тут в ткани что-то... древесным углем пахнет.

Тео скривился:

– Снял бы ты ее лучше...

Казанова так и поступил и сказал:

– Надеюсь, Меррет не собирается нас заставлять их носить? В ней жарко, как в печке!

– Да зачем бы их надевать? Это похоже на средство защиты, но от чего?

Казанова сунул маску обратно под койку и со вздохом откинулся на постель:

– Скоро узнаем... Еще три дня, и Меррет на Индейские территории нас загонит.

Последовало молчание. Казанова опять взялся рассматривать низкий полотняный потолок. Пламя свечи трепетало, по стенам двигались тени. Тео тоже растянулся на койке и потянулся задуть фитилек. Против обыкновенного, сразу уснуть ему не удалось. Мысли путались, бродя словно по лабиринту.

2 августа 1892 года, 8 часов 31 минута

Новостные издания, письма, иной раз даже картины: все эти вещи, которые мы называем «дрек», могут происходить из прошлого или из будущего, но это прошлое и будущее в любом случае потеряно для нас из-за Великого Разделения. Иногда найденные обрывки даруют удивительные откровения. Например, толика дрека из 1832 года послужила предупреждением: заставила Новый Запад задуматься, какие условия могут послужить основанием для войны. Десятилетиями затем призрак войны грозовой тучей нависал над Западным полушарием, но опасность неизменно удавалось отвести. Войны, предшествовавшие Разделению, уже пролили вполне достаточно крови, а мятеж в Новом Акане наглядно показал, какое это несчастье, когда внутри эпохи происходит усобица.

Шадрак Элли. История Нового Запада

Премьер-министр Гордон Бродгёрдл определенно потратил на свою военную комнату существенные средства и немало личной энергии. Роскошная, исключительно удобная, она как бы демонстрировала, что война – дело очень дорогостоящее, даже шикарное, наслаждаться которым можно поистине лишь из безопасности уютного и комфортабельного кабинета.

Как же Шадрак его ненавидел!

Буквально все здесь вызывало у него тошноту. Окна комнаты, широкие, в коричневатожелтых бархатных шторах, выходили на общественные сады. Обои в тонкую полоску, темно-синие с белым, были украшены портретами политиков, работавших до Разделения. Всякий раз, когда Шадрак сюда входил, на него нападало легкое головокружение. Массивные кресла, обтянутые кожей в цвет штор, выстроились кругом овального полированного стола. Во влажном воздухе, доступ которому не могли перекрыть даже деньги Бродгёрдла, все казалось чуточку отсыревшим. Едва ступив на порог, Шадрак с омерзением уловил запах плесени. Вероятно, душок дал ковер, слишком толстый, темно-синий, в тон полоскам обоев, предназначенный скрадывать тяжелую поступь Бродгёрдла...

И эта поступь не замедлила раздаться: премьер явился в кабинет, как обычно, ровно в восемь тридцать утра, чтобы провести заседание правительства военного времени. Бродгёрдл наслаждался этими встречами не менее, чем роскошью комнаты.

– Доброе утро, джентльмены! – сияя, приветствовал он собравшихся.

После чего уселся бок о бок с Рупертом Миддлсом, недавно назначенным госминистром и главным архитектором «Патриотического плана» – парламентского билля, закрывшего границы для иностранцев. Миддлс – обладатель слишком пышных усов и толстых пальцев – сидел напротив Сальваторе Пьедмонта, министра обороны.

– Доброе утро, господин премьер, – пофыркивая от усердия, отозвался Пьедмонт. –

Отличный денек, чтобы планировать военные действия!

Шадрак застонал про себя. Каждый день одни и те же слова!

Сальваторе Пьедмонт был военным, выдавшим гораздо лучшие времена. В первые годы после Разделения его отец носил звание генерала. Как раз в те дни восстания черных рабов на юге привели к образованию Нового Акана. От отца Пьедмонт унаследовал нелюбовь ко всякого рода мятежам и незыблемую уверенность, что вооруженным силам Нового Запада по зубам любая проблема, малая и великая. Годы шли; потомственному военному довелось увидеть, как постепенно паршивела его любимая армия, ведь Новый Запад очень долго жил в мире с соседями. И вот теперь, разменяв восьмой десяток, старый вояка познал счастье: армия вновь оказалась в центре внимания. Бродгёрдл, со своей стороны, похоже, плевал на то, что во главе действующих войск оказался переживший свои дни старикашка. Может, ему было так даже проще.

– Доброе утро, – повторил за ним Миддлс и выпрямился в кресле.

Он еще не отошел от острого осознания собственной важности, сопутствовавшего назначению его госминистром. В присутствии Бродгёрдла он неизменно натягивал маску суровой серьезности, подобавшую, как он думал, столь ответственному посту.

– Доброе утро, – устало пробормотал Шадрак.

Бродгёрдл по-змеиному зубасто улыбнулся в ответ, радуясь зрелищу поникшего, павшего духом Шадрака. Он сказал:

– Сегодня нам нужно очень многое обсудить. Прибыли донесения от Григгса и Джуна.

– И что пишет Джуна? – с предвкушением пророкотал Пьедмонт. – Я знаю Эрика Джуна.

Отличный солдат!

Шадрак подавил желание закатить глаза.

– И он и Григгс докладывают о существенных препятствиях, мешающих их продвижению, – сказал Бродгёрдл.

– Что?.. – вырвалось у Пьедмонта.

Миддлс обеспокоенно сдвинул брови:

– Никак новые карстовые провалы?

– Совершенно верно, джентльмены. Провалы. – Бродгёрдл откинулся в кресле и обвел взглядом министров, словно требуя объяснений.

Первую карстовую воронку заметили в начале июня. В течение всего одной ночи целый квартал на западе Бостона поглотила зияющая дыра. Тьма внизу выглядела бездонной. Выживших не нашли.

Второй провал случился двумя днями позже, на сей раз в юго-западной части города. Здесь жертв оказалось меньше, поскольку застройка была не такой плотной, но страху воронка нагнала много. На сегодня в пределах одного дня пути от столицы насчитывалось семь воронок. И возникали новые, причем именно там, куда собирались идти маршем войска Нового Запада.

Шадрак успел наслушаться скороспелых теорий. Говорилось о скверном дорожном строительстве, плохом дренаже, беспримерной вулканической активности. Велись и более серьезные научные споры, вот только убедительных объяснений происходившего по-прежнему не наблюдалось.

– У нас проблема, с которой приходится считаться, – сказал Бродгёрдл, со значением поглядывая на Шадрака, словно он был причиной всему. – Войска следуют картам, составленным военным картологом... который определенно не ведет учета провалам.

– Что сказать, – сухо ответил Шадрак. – Воронки не всегда возникают по моему предначертанию.

Бродгёрдл поднял бровь. Сарказм Шадрака был ему как с гуся вода.

– Каждому маршруту, намеченному для войск, должны соответствовать запасные пути.

Шадрак хотел возразить, что это привело бы к неизбежной путанице и логистическому кошмару, но его прервали.

– Простите, господин премьер, – прозвучал женский голос.

У локтя Бродгёрдла материализовалась его новая помощница, Кассандра Пирс, и подала шефу листок бумаги:

– Мне подумалось, вы захотите это увидеть до публикации в вечернем выпуске «Бостон Пост». Пресса, как я понимаю, это уже получила...

Бродгёрдл молча читал, а Шадрак наблюдал, как на его лице поочередно отражались удивление, гнев, осознанная попытка изобразить невозмутимость... и, наконец, четкое пренебрежение. Он спокойно спросил:

– Кто написал это?

– Редакционная передовица, – ответила Пирс.

– Можно взглянуть? – подал голос Шадрак.

Бродгёрдл, хмыкнув, передал ему листок:

– Как-то я не удивлен, что никто конкретно не захотел свою подпись поставить...

Шадрак бегло просмотрел начало статьи.

Редакция убедительно призывает премьер-министра и парламент пересмотреть необходимость дорогостоящей и бесплодной войны с сопредельными странами. Во главе угла, как известно, пограничная политика парламента, побудившая Новый Акан и Индейские территории выйти из федерации, а Объединенные Индия – установить эмбарго. В результате Новый Запад, бывший прежде средоточием торговли Западного полушария, оказался в изоляции, растерял союзников и друзей.

Кому же выгодна подобная политика? Что вообще мы выиграем, раздвинув границы к западу? Неужели кусок, который, возможно, мы отхватим от Пустошей, действительно стоит многих тысяч долларов, которые еженедельно приносила торговля с Объединенными Индиями? Неужели он ценней мира с Индейскими территориями? Ценней новоорлеанского порта?

Нам кажется – нет...

Шадрак еле удержался, чтобы не сопроводить согласным кивком каждую фразу. «Наконец! – думалось ему. – Наконец кто-то написал разумное слово! Может, и читающая публика в чувство придет...»

– Возмутительно! – дрожащим голосом объявил Пьедмонт.

Шадрак оторвался от статьи и обнаружил, что весь кабинет министров столпился позади его кресла, читая через плечо.

– Что мы выигрываем? – продолжал Пьедмонт. – Абсурдный вопрос! Чего еще ждать от штафиров!

– Заметим, авторы даже не упомянули, как эта самая пограничная политика много месяцев их защищала, – фыркнул Миддлс. И покачал головой. – Вот вам, господа, лишнее подтверждение, как нам следует дорожить нашей системой покупки парламентских мест. Только представить, что такая вот чернь получила бы право голоса!

– Как бы то ни было, многие среди вышеупомянутой черни умеют читать и делают это исправно, – заметил Бродгёрдл. – И коль скоро эта статейка выйдет уже неминуемо, думаю, нам следует ответить без промедления.

Его голос звучал спокойно. Он, несомненно, уже придумал, как разобраться с проблемой.

– Ответ? – воскликнул Пьедмонт. – С какой стати подобное заслуживает ответа?

– А я думаю, заслуживает. И кто сделает это лучше, чем наш министр по связям с сопредельными эпохами?

Шадрак окончательно оторвался от статьи.

– Я... – начал он. – Полагаю, я не лучшая кандидатура...

На лице Бродгёрдла зародилась улыбка, живо напомнившая Шадралу оскал: вот-вот цапнет! Сразу вспомнилось все, что предпринял этот человек, загоняя картографа в нынешний угол. Бродгёрдл ведь разнюхал, что в доме Шадрара укрывались сразу два иностранца, обладатели поддельных документов – Теодор Константин Теккари и миссис Сизаль Клэй, – и пригрозил депортировать обоих. Дознался он и о проникновении Софии под фальшивым предлогом в нигилизмийский архив и посулил известить архивистов, чтобы они могли подать в суд за обман. Таким образом, все Шадраровы домочадцы оказались в полной власти безжалостного премьера. Стоит послушаться Бродгёрдла – и всем придется несладко.

Чувство безвыходности стало привычным, но от этого справляться с ним было нисколько не легче. Выбора не оставалось – приходилось работать военным картологом, трудиться ради войны, которую ненавидел. Хочешь не хочешь – поддерживай политику, которую считаешь дискриминационной, незаконной и опрометчивой. Деваться некуда – садись писать язвительный ответ на передовицу, в которой, если по совести, готов подписаться под каждым словом...

3 августа 1892 года, 16 часов 40 минут

– Перечитай последнюю часть, Шадрак, – хмуро попросил Майлз. – С момента прибытия в Грушевый!

Шадрак посмотрел на остальных, собравшихся за его кухонным столом. Люди кивали. Кухня дома тридцать четыре по улице Ист-Эндинг, с ее кипами разрозненных карт, разномастной посудой и душистыми персиковыми пирогами, во всем отличалась от помпезной военной комнаты Бродгёрдла. И заговорщики, что дважды в неделю встречались за этим столом, ничуть не напоминали членов военного правительства. Разве что – решительностью в достижении цели.

Майлз Каунтримен, путешественник и авантюрист, был стариннейшим на всем Новом Западе другом Шадрара. А еще – величайшим во всем Бостоне спорщиком. Он восставал против Шадрара буквально во всем, от политики и карстовых воронок до размеров приличной порции еды.

Миссис Сизаль Клэй, экономка, обитавшая наверху, была вдовой родом из Нохтланда,

столицы Пустошей. Со дня своего появления в этом доме она ни единым словом не возразила Шадраку. И не выезжала почти никуда.

Другие двое различались еще радикальнее. Так, что по сравнению с ними Майлз и миссис Клэй казались горошинами-близнецами в стручке.

Нетти Грей, дочка полицейского инспектора Роско Грея, была сама респектабельность. Уинстон Пендл, для друзей просто Винни, родился у беспутной матери, сданной впоследствии в «институт». Правду сказать, сейчас он выглядел куда опрятней обыкновенного: как-никак жил не на улице, а у Майлза. Но куда было чистому костюмчику против необузданного природного вольнолюбия! Нетти сидела чинно и прямо, Винни – как на насесте. Ерошил вихры, слушая новости, принесенные Шадраком. Голова постепенно возвращалась к естественному состоянию «вороньего гнезда» – видимо, для вящего контраста с безупречно уложенными косами Нетти. Девочка хранила сосредоточенное спокойствие. Мальчишка догрызал карандаш.

Вот такие заговорщики. Все – разных возрастов, биографий, личных намерений. Объединяла их, пожалуй, только верная любовь к обитателям дома тридцать четыре, как присутствующим, так и отсутствующим. И конечно, острая нелюбовь к премьеру Гордону Бродгёрдлу.

В день, когда Тео выслушал приговор и отправился на войну, он взял с Винни обещание присмотреть за Бостоном, пока сам будет в отлучке. Винни отнесся к данному слову очень серьезно. Назавтра же вошел к Шадраку с деловым предложением. Им пятерым следовало сообща поработать над привлечением Гордона Бродгёрдла к ответственности по закону. Надо, чтобы он заплатил за убийство Сирила Блая. Надо разыскать и спасти Вещих, которых он похитил и удерживает против их воли. Арестовать злодея – тут и завершится бессмысленная Западная война!

Шадрак с ним согласился. Отчасти потому, что ярость в мальчишеских глазах свидетельствовала – этот шкет пойдет за Бродгёрдлом и с Шадраком, и без него. Пожалуй, вместе у них шансов побольше.

Только покамест прогресс был такой, что впору мужество утратить. В «деле о привлечении Бродгёрдла за убийство Блая» не возникало новых зацепок. И ничто, кроме деревянной карты, найденной Тео, не указывало на возможное местонахождение Вещих. Пятерке конспираторов не удавалось разузнать ничего внятного о прошлом Уилки Грэйвза, или Уилки Могилы, как прежде звался человек, ворвавшийся на политическую арену Бостона под именем Гордон Бродгёрдл.

В общем, никаких плодов заговор пока не приносил. А война, устроенная Бродгёрдлом, продолжалась вовсю.

Третьего августа всем стало казаться, что события приобретают еще более скверный оборот. Утром прибыл друг Шадрака, Пип Энтвисл, с почтой из Индейских территорий. Привез письмо от Каспера Беринга и еще четыре конверта. Пришлось заговорщикам молча выслушивать истории – одну страшнее другой. Появление малинового тумана неизменно оканчивалось катастрофой. Что порождало его – пока оставалось загадкой.

Кончив читать, Шадрак встал и в полном отчаянии уткнулся лбом в кухонный буфет.

Некоторое время все молчали.

– Сперва запах цветочный, потом – тухлого мяса. Что же он такое, этот чертов туман? – спросил наконец Майлз, грохнув по столу кулаком.

Пустые тарелки с ложками и блюдо пирога с персиками встревоженно зазвенели.

Шадрак с усилием выпрямился:

– Понятия не имею, Майлз. Я ни о чем подобном раньше не слышал. Я доложил Бродгёрдлу о происшествии...

– Бродгёрдлу? – вспыхнул Майлз. – Зачем сообщать негодяю?

– Сам подумай, дружище. Подумай о наших солдатах, которых гонят в глубину Территорий. – Старый авантюрист нахмурился, Шадрак же продолжал: – Какая разница, нравится тебе мое решение или нет... Бродгёрдл и без меня уже все знал. Он, может, и негодяй, каких поискать, но в компетентности ему не откажешь!

– Вот бы он вправду был дураком, – проворчал Майлз. – И что он намерен предпринимать?

– Высылает войскам защитную амуницию.

– О да! Теперь нам не о чем беспокоиться!

Повествование о детях, запершихся в кладовке, между тем довело миссис Клэй до слез. Перед ней стояла недопитая чашка, пирог на блюдечке так и остался нетронутым.

– Да помогут нам Судьбы, – проговорила она. – Наверное, это тлетворными воздушными повеяло. Вроде ведьминых шквалов, что встречаются в Пустошах гораздо чаще, чем здесь... – И разволновалась: – Может быть, они к востоку смещаются?

– А по мне, это нечто рукотворное, – возразил Майлз, – очень уж подозрительно, что все четыре случая произошли в городках, причем городки-то все, как один, – на Территориях!

– Что, если это проявляется новая эпоха? – еще больше всполошилась миссис Клэй. – Вроде Передовой, она же ледниковая, которая двигалась с юга? Она-то, наверное, испускает туман. Помните ядовитую почву Передовой? А в этой, похоже, воздух отравлен...

– Чуть! Почему тогда явление происходит исключительно на рассвете и очень локально?

Миссис Клэй призадумалась.

– Ой, – воскликнула она затем. – А что, если туман – это некое существо? Чудовище из чужой эпохи? С ядовитым дыханием?..

Винни воздел изгрызенный карандаш, призывая к вниманию.

– Что будем предпринимать по поводу Тео? – задал он новую тему.

– Вот именно, – бросив на него быстрый взгляд, поддержала Нетти. – Нужно его предупредить!

– У нас всего несколько дней, – ответил Шадрак. – Потом Тео окажется на Индейских территориях. Из сказанного Бродгёрдлом я заключаю, что к моменту пересечения границ большую часть войск экипируют защитой...

– Этого недостаточно, – сказала Нетти.

– Нет у меня доверия ничему, что Бродди может послать им, – одновременно проговорил Винни.

– Нельзя на это уповать, – согласился Шадрак. – Надо сделать что-то еще. Я могу предупредить его в письме, но, не зная, кто или что производит туман, никакого совета по избежанию последствий дать не смогу. Зато у меня есть идея, как уменьшить вероятность встречи его отряда с туманом!

Он живо развернул на столе карту, во всех подробностях представлявшую запад Пенсильвании и Нижний Нью-Йорк.

– Все случаи, о которых на сегодняшний день известно, произошли в средней величины городках. Возможно, я ошибаюсь, но уединенные места выглядят более безопасными. Копию

этой карты я как раз сегодня отослал в подразделение Тео. Здесь можно видеть, – он указал пальцем на обозначение рощи, – что, согласно моим указаниям, простейший путь ведет сквозь редколесье. А вот чего, – с улыбкой продолжил Шадрак, – карта не показывает, так это глубокого оврага, в который неминуемо заведет дорога. Потребуется несколько дней, чтобы из него выбраться.

– Значит, – усомнился Винни, – решение в том, чтобы Тео в овраге застрял?

Похоже, других идей у Шадрака не было.

– По крайней мере, так Тео не попадет в окрестные городки, где может появиться туман... – пробормотал он.

– План неплохой, – попыталась поддержать его Нетти.

– Но дающий лишь кратковременную отсрочку, – сознался Шадрак, тяжело усаживаясь на место. – Лучше, конечно, было бы вернуть Тео домой. Вычислить источник тумана. Войну прекратить...

Он обхватил голову руками.

– Надо бы присмотреться к чертовому туману, – сказал Майлз. Отодвинул стул, встал. – Требуется ученый, способный его исследовать!

Шадрак поднял голову, устало глянул на друга:

– Ученый? Ты что предлагаешь?

– Я думаю, тебе следует послать лучшего из исследователей, которых ты знаешь, и с ним лучших естествоиспытателей – пусть разбираются, что там творится. Иными словами, – добавил он со свирепой улыбкой, – я еду на запад. А ты давай пиши Метлям! Верессе и Мартину!

– Именно так! – воскликнула миссис Клэй.

При упоминании о славной даме-картологе из Нохтланда и ее отце, ботанике, у экономки загорелись глаза.

– Они нам всенепременно помогут!

Некоторое время Шадрак молча раздумывал. Потом в его глазах затеплилась некоторая надежда. Самому ему прибегнуть к познаниям Метлей в голову не пришло.

– Мартин... Вересса... и почему я сам не додумался?

– Потому что твой разум и без того трудится на пределе возможного, а его возможности не безграничны. Вдобавок ты склонен легко забывать о друзьях. Уж мне ли не знать. – В голосе Майлза звучало скорее удовольствие, нежели обида.

Поникшие плечи Шадрака заново расправились.

– А ведь может сработать. Если ты не против...

– Пусть только попробует не сработать. Я лично знаю всех, кто тебе пишет. Знаю, как их отыскать. Мартин обо всех странных субстанциях успел забыть больше, чем мы все когда-либо сможем о них узнать. А Вересса сумеет удержать папеньку от очередного головотяпского эксперимента...

Шадрак наконец улыбнулся, хотя и криво:

– Учтем, что с тобой она в этом плане вряд ли совладеет.

Майлз просиял: у них наконец-то появился план.

– Все к лучшему! Я буду готов к выезду через час. Сообщи им, чтобы ждали меня у городка Грушевый!

6 августа 1892 года, 12 часов 09 минут

Знак железа, как и Знак лозы, на Новом Западе наблюдается редко. Зато в Пустошах оба – самое обычное дело. Но даже там не до конца понимают их природу. Откуда они берутся, что означают? На что способны? К этому следует добавить вопрос о распространенности Знаков в живой природе. Например, почти не изучены проявления Знаков среди животных. Скольким видам присущи Знаки? Почему у одних зверей они встречаются, у других – нет? И может ли изучение животных обладателей Знаков помочь нам уразуметь их предназначение?

София Тимс. Раздумья о поездке к Жуткому морю

София с Каликстой прибыли к порогу Максин Биссэ, отстав от Барра, Эррола и Златопрут всего на минуты.

– Я так и знала, что вы не задержитесь, – сказала хозяйка. – Входите, нечего на улице отсвечивать!

– Мне в гавань ехать надо, команду предупредить, – ответила Каликста.

Максин мотнула головой:

– Поздно. Мой верховой только что вернулся. «Лебеда» уже заметили, им пришлось срочно поднимать якорь и убираться, пока в клочья не разорвали. В общем, твой корабль давно отчалил.

Каликста взирала на нее с нескрываемым ужасом.

– Да входи уже, дитя! – сказала Максин. – Не место здесь для таких разговоров.

Каликста, в кои веки притихшая, расплатилась с кучером и вслед за Софией вошла в дом.

– А ты, наверно, София, – сказала Максин, беря руку девочки и тепло ее пожимая.

– София Тимс. Рада знакомству...

– Взаимно, – улыбнулась гадалка. – Пусть нынешние обстоятельства не тревожат тебя. Надеюсь, здесь ты почувствуешь себя как дома. Рада встрече!

Ей было лет пятьдесят. Волнистые волосы, тронутые серебром, сплошь унизанные бусами, уложены кругом лица замысловатой мягкой копной. Цвет лица у нее был примерно как у Софии, она часто и легко улыбалась, а руки выглядели крепкими, словно после долгих лет трудов у плиты или за стиркой. Глаза мерцали добротой, умом и еще чем-то неуловимым. Была ли это ностальгия под маской жизнерадостности? Любопытство к темным уголкам души человеческой?..

Софии Максин сразу понравилась.

– Спасибо, – сказала она. – А что вообще происходит?

– Все мое время, – таинственно пообещала Максин, ведя ее по коридору и оглядываясь на Каликсту, шагавшую следом. – Вкратце дело обстоит вот как. Кто-то

распустил грязный слухок насчет Моррисов. Ложь должна побудить их к необдуманным поступкам, и отмахнуться от нее трудно...

София с нею мысленно согласилась. За клеветой стоял очень точный расчет. Оговор марал пиратскую честь брата и сестры. И поди опровергни, продолжая скрываться.

– Какой-то тип по имени Финн О’Мэлли только что напал на Каликсту в магазине, – сказала она, поскольку сама пиратка продолжала молчать.

– Чему удивляться, – рассудительно отозвалась Максин. – Опасность нешуточная! Здесь вам ничто не грозит, но дальнейшие шаги нужно очень тщательно обдумать.

Они шли галереей, обрамлявшей внутренний дворик, засаженный буйно разросшимися цветами. На краю каменного фонтана сидели ярко оперенные птицы. Во дворик открывались затемненные комнаты с запертыми ставнями, из них веяло прохладой и влагой.

– Мы собрались в столовой, – объяснила Максин. – Там самый большой стол. А еще потому, что Барр сам не свой до булочек, которые моя кухарка печет... – И подмигнула Софии: – Скоро сама убедишься: это он неспроста!

Барр, Рен, Эррол и Златопрут действительно сидели в столовой. На длинном столе шеренгой выстроилось с полдюжины многоэтажных менажниц, полных миниатюрных кексов и булочек. С потолка свисал большой, тяжеловесный шандал, подвески посверкивали в солнечных лучах, временами забредавших снаружи. В целом столовая была царством потертого шика. Казалось, многими вещами здесь пользовались уже так давно, что с ними совершенно невозможно расстаться. Вдоль стены стоял набор стульев в отличном состоянии, но непосредственно у стола господствовали облезлые кресла с разномастной обивкой. Максин непринужденно устроилась в одном из них и пригласила гостей рассаживаться.

– Не стесняйтесь, друзья, не обижайте Селию! Советую немедленно приступить к выпечке, а кофе и чай сейчас подадут.

Барр очень серьезно спросил Каликсту:

– С тобой все в порядке?

Она обняла брата:

– Спасибо, я цела! Только за «Лебеда» беспокоюсь...

– У них есть приказ, если что, возвращаться на Испаньолу, – напомнил Барр. – С ними все будет хорошо.

– И с тобой, деточка! – Максин передала Софии на тарелке кусок кекса с розовой глазурью.

– Не таковы были наши планы, – подсаживаясь к Максин, сказала Каликста.

– А что вы планировали, если не секрет? Что вас всех сюда привело? Я провидела кое-что, но от подробностей не откажусь...

Каликста глянула на Софию.

– Они все пытаются мне помочь, – покаянно начала девушка. – Мне правда жаль, что я всех в хлопоты и неприятности втравила...

– Чепуха! – заявил Барр, становясь похожим на себя прежнего. – Рена жалеть вообще не за что, он сам себе неприятность. А мы с Каликстой просто обожаем влипнуть если не в одно, так в другое. То есть «обожаем» – не то слово, мы без неприятностей жить не можем, вот как! Кому кирпич на голову – беда, а мы в восторге, ведь это, по сути, замаскированное удовольствие, только кожура чуть потолще. Что касается Эррола и Златопрута... – Он чуть прервался, накладывая себе булочек и в то же время с сомнением поглядывая на оставшихся членов общества. – Да ладно, что о них рассуждать, эти двое вообще не понимают толку в

веселье. Им что гладкий путь, что ухабы – без разницы!

София помимо воли улыбнулась, вгрызаясь в розовый кекс. Эррол и Златопрут, успевшие привыкнуть к юмору Барра, благополучно пропустили его слова мимо ушей.

– Трудности не страшны, Репеек, – только и сказал Эррол. – Кому, как не тебе, это знать.

– Знаю и благодарю, – ответила София. И вновь повернулась к Максин: – Видите, они, может, и забавляются, но на самом деле все вправду хотят мне помочь. Я разыскиваю родителей, пропавших без вести одиннадцать лет назад. Рен встретил их в море, когда они плыли в Севилью. Потом они бесследно пропали. Нам удалось выяснить, что, пребывая в Папских государствах, они... – София уставилась на свои руки, – претерпели трансформацию.

Максин пристально смотрела на девочку. Неуловимое свойство души, таившееся за добротой и умом, наконец проявилось.

– Что ты имеешь в виду?

– Они стали лакриками. – Стараясь не встречаться глазами с Максин, София сунула руку в карман юбки и вытащила свиток бумаги. – В Папских государствах мы посетили место под названием Авзентиния... там путникам дают карты дорог ко всем и всему, что они потеряли.

Взгляд Максин стал бритвенно-острым, София же продолжала:

– Мне подарили кисет с гранатами и карту, которая типа поможет родителей отыскать. И вот они... – девочка обвела жестом Эррола и Златопрут, Каликсту, Рена и Барра, – помогают мне пройти по карте.

Максин кивнула на свернутую бумагу:

– Это она и есть?

– Да.

– Посмотреть можно?

София протянула ей карту. Максин, с круглыми от волнения глазами, принялась читать вслух.

*Затеряны, но не утрачены... отсутствуем, но не исчезли... незримы, но подаем голос...
Разыщи нас, пока мы еще дышим.*

Оставь мои последние слова в Замке Истины: они достигнут тебя иным путем. Когда вернешься в Город Лишений, тебя будет ждать человек, что следит за временем по двум часам, а сам следует третьим. Прими предложенное путешествие и не жалея о тех, кого покинула, ибо сокольничий и процветшая рука пребудут с тобой. Путь предстоит неблизкий, но они сопровождают тебя к тем, кто подгоняет время. Пара пистолетов и меч – вот надежные спутники...

Обрати взор в сторону Замерзшего Моря. В Городе Украденного Рассудка ты расстанешься с товарищами. Помни, что в твоей короткой жизни уже была встреча с Горем и ты в одиночку одолела его, но еще не встретила Страха. На Западе обитель его. Там след его на каждой тропе и тень на каждом пороге.

Там встретишь ты скитальца, в коем горечь и сладость, и вместе пойдете, и каждый новый шаг сплетет ваши судьбы. Этому спутнику верь, хоть и покажется он недостойным доверия. Дорога приведет тебя в Лес Затиший, где под звон безмолвного колокола прорастает спящее семя. Далее лишь твоя карта тебя поведет. Ищи ее в линиях, что нарисовала, ищи на путях, начертанных прошлым. Древний помнит больше других...

Перевернув лист, Максин провела пальцами по рисунку. Таинственные линии тянулись из Города Лишений к Замерзшему Морю, Городу Украденного Рассудка и Лесу Затиший.

– Что за красота, – вздохнула она.

– Красота-то красота, а поди по этой карте курс проложи, – добродушно отозвался Барр, закидывая в рот четыре булочки одну за другой.

– Это гадательная карта, – пропустив его слова мимо ушей, объявила Максин.

– Мы уже убедились, – вставила Златопрут, – что эту карту трудно читать, но она неизменно оказывается права. Описанное в начале большей частью уже сбылось. Процветшая рука – это я, Эррол – сокольничий. Каликста с Барром, вне сомнения, – это пара пистолетов и меч. И теперь мы направляемся вот сюда, к Замерзшему Морю, предполагая, что имеется в виду Жуткое море.

– Ух ты! – воскликнула Каликста и крепко сжала руку Софии. – Так вот почему ты нипочем не хотела бросить меня в заведении Винсента! Прости! Я совсем упустила из виду...

– «В Городе Украденного Рассудка ты расстанешься с товарищами», – озабоченно хмурясь, повторила София. – Да, видимо, этого не миновать. Но раз мы... предвидим, может, удастся не то чтобы избежать... просто сделать, чтобы без ужасов обошлось? Где он, этот Город Украденного Рассудка? Вот бы заранее вычислить! Чтобы «расставанием» оказалась просто потеря из виду, а не... что-нибудь совсем плохое...

Максин задумалась над ее словами.

– Стало быть, ты веришь, что предначертания карты можно исполнить разными способами, причем в твоей воле выбрать, как именно?

– Вот-вот, – кивнула София.

Как здорово, что Максин, в отличие от спутников, которых она в том же самом убеждала неделями, мгновенно все поняла!

– Совершенно потрясающее пророчество! – возвращая карту, сказала гадалка. – Должна заметить, я придерживаюсь такого же мнения: прорицания оставляют свободу маневра, не надо считать их жесткими указаниями. Одни и те же слова могут запросто облекаться в самые различные обстоятельства. Верно, Каликста и Барр говорили тебе, что я и сама помаленьку гадаю?

Каликста поставила чашку, ее лицо было сама учтивость.

– Конечно говорили, милая Максин, но здесь мы на самом деле ради голубей... – И торопливо продолжила: – Дядя Софии – не кто иной, как Шадрак Элли, знаменитый картолог. Он не получал вестей о племяннице с минуты ее отплытия в Папские государства. Вот бы ему сообщить, что София жива-здоровая и едет на север!

– Конечно, – кивнула Максин. – Стало быть, пошлем в Бостон голубка.

– В идеале хорошо бы его попросить выслать ответ в какое-нибудь место по дороге на север. Докуда в том направлении работает твоя сеть?

– А докуда вам надо, – небрежно отмахнулась Максин. – Мои голуби и к Жуткому морю летают, и на западное побережье, и на юг, к новой границе Передовой эпохи...

– Быть может, – осторожно вмешалась Златопрут, – отважусь заметить, что направляемся мы в Солёный...

– Одна моя станция как раз там и находится, – отвечала Максин. – Так что все складывается. – Она обратилась к Софии: – Не хочешь голубков посмотреть?

София отодвинула опустевшее блюдо:

– С большим удовольствием! Я слышала, конечно, что голуби письма носят, но сама ни разу не видела!

– Как бы тебе не разочароваться, – улыбнулась Максин. – Почтовые голуби на вид – самые обыкновенные. Только выносливость у них превышает всяких похвал. Есть и еще отличие, на первый взгляд незаметное. Почтовые голуби – железные!

– Железные голуби? А как же они летают? – изумилась София.

Максин поднялась из-за стола:

– Я говорю о птицах, отмеченных Знаком железа.

– Ух ты, – восхитилась София.

– Пойдем со мной в голубятню. Заодно и письмо Шадраку отправим.

– Мне с вами можно? – спросила Златопрут.

А Сенека заплясал у Эррола на плече, переступая когтистыми лапами.

– Нет, дружок, – твердо сказал сокольничий. – Мы с тобой останемся здесь!

Максин повела их через кухню – длинное помещение с разделочными столами и несколькими печками. Кухарка с двумя помощниками наводила чистоту после утренней выпечки. Еще одна дверь вывела хозяйку с гостями во второй дворик и сад. Под желтоватым пологом низких туч гудели медлительные насекомые, туда-сюда порхала колибри. По сторонам садика густо разрослись душистые травы: лаванда, тимьян, мята, шалфей.

Каменная дорожка вела между зелеными кустами к узорной железной лесенке. Узкие ступени же вели в комнату с низким потолком, где пахло птичьими гнездами и ворковало, переговаривалось множество голубей. Длинное окно, не забранное ни стеклом, ни решеткой, выходило на дворик и на простирившийся за ним Новый Орлеан. Голуби совершенно свободно влетали и вылетали, хлопали крыльями, устраиваясь на узких деревянных полках, высланных соломой. Они бесстрастно взирали на Максин и вошедших с ней посетителей.

– Здесь у меня, – сказала хозяйка, – живут самые бывалые голуби Западного мира.

Златопрут опустилась на колени у полочки. Потянулась зеленоватыми пальцами к птицам. Голуби откликнулись жизнерадостным воркованием, тихонько двинулись навстречу.

– А ты, смотрю, с ними обращаться умеешь, – одобрительно проговорила Максин.

Златопрут подняла голову и просияла:

– Кажется, голуби здесь очень счастливы...

София с улыбкой отметила изумление Максин. В Каликсте и Барре жизненная сила и красота хлестали через край, наполняя все вокруг и завораживая присутствующих, где бы эти двое ни находились. На их фоне Эррол и Златопрут казались двумя серенькими воробышками, затесавшимися среди великолепных павлинов. Тем не менее северянам сопутствовало особенное сияние, и Максин только теперь начала его различать.

– Надеюсь, – ответила она с некоторым запозданием. – Мы стараемся о них заботиться как следует.

Открыв стенной шкафчик, она вытащила листочек тонкой бумаги, перо и небольшой кусок гудьировской резины.

– Что сообщим твоему дяде, София?

– А сколько у нас слов?

– Ты диктуй письмецо, а я сокращенно запишу.

– Укажите, пожалуйста, что я жива и в полной безопасности с Каликстой и Барром здесь, в Новом Орлеане. Дальше мы поедем на север, в Соленый. Рассчитываем быть там...

Она вопросительно посмотрела на Златопрут.

– Быстрее всего поездом, – ответила та. – Но в поезде Каликсту и Барра могут узнать. Так что посмотрим. Самый ближний срок – два дня, самый поздний – десять. Это если на поезд не попадем.

– Что касается Моррисов, у меня есть кое-что на уме, – с несколько самодовольным видом сказала Максин. – О них можете не волноваться. Шадрака о вашем примерном расписании я уведомя.

Она быстро нацарапала послание на бумажке, ловко свернула, прокладывая резиной, перевязала ниткой рулончик.

– Ну что? – Максин повернулась к голубям. – Где наш Марсель? Это мой самый надежный курьер, ему и нынешняя гадкая погода нипочем! – Она кончиками пальцев поглаживала птиц, отстраняя одну за другой. – Марсель, маленький паршивец, куда ты запропастился? А-а, вот он где! – И она подхватила на ладонь сизого голубка, зажав пальцами его лапки. – Вот он, наш храбрец!

Максин чмокнула Марселя в макушку и засунула крохотный рулончик в гибкую трубку, прикрепленную к его лапке. Шепнула что-то голубю – и, подойдя к распахнутому окну, выпустила птицу на волю.

В желтоватых тучах, нависших над крышами города, зловеще зарокотал гром. Не испугавшись, Марсель быстро помчался на северо-восток. Он только держался пониже, чтобы избежать облаков.

Максин с гордостью смотрела ему вслед:

– Хорошо пошел!

– Он не пострадает от грозы? – озабоченно спросила София.

– Грозы, я так полагаю, не будет, – сказала Максин, указывая на барометр у окна. – Облака гремят и клубятся, давление скачет... а дождя – ни капли, и так неделями. Чудеса, да и только! Впрочем, до сих пор мои голуби никаких затруднений не испытывали. – Повернувшись, чтобы закрыть шкафчик с письменными принадлежностями, она добавила: – Знак железа, вот что их ведет. Обычному голубю можно сказать, куда лететь, и он даже поймет сказанное, но не будет знать, как добраться туда. А голуби, отмеченные Знаком, способны отыскать кого угодно и где угодно. В многолюдном городе, в толпе, на затерянном острове... Им разницы нет!

– Но каким образом? – удивилась София. – Как влияет Знак?

– Он ведет их подобно компасу, дитя.

– О, вот как, – начала догадываться София.

– А еще у нас есть станции, чтобы облегчить задачу голубям вроде Марселя. Скоро он доберется до станции в Гринсборо, где мой коллега Элмер передаст записку другому голубю и отправит в Бостон. По прибытии туда Перси, глава бостонской станции, примет письмо и доставит его Шадраку обычным посыльным. Все вместе займет сутки-полтора, не больше.

– Спасибо большое, Максин, – поблагодарила София.

– Сколько народу пользуется голубиной почтой, но твоя записка, быть может, единственная, что уйдет за линию фронта, – заметила Златопрут.

– Действительно, – глядя на город, отозвалась Максин. – Вся обычная почта нынче на приколе стоит. Двухногим курьерам слишком опасно ездить туда-сюда. Однако я уверена, что Марсель доберется благополучно. А теперь, – она направилась к лестнице, – вернемся в столовую и я вам расскажу, каким образом Барр с Каликстой смогут без помех выбраться из Нового Орлеана!

Ее глаза шаловливо поблескивали.

– Идея, право, великолепная. Уверена, она никому не понравится!

6 августа 1892 года, 13 часов 07 минут

Кроме того, исследователи (Вересса Метль, например) предлагают рассматривать степень проявления различных Знаков как подобие спектра. Мои личные наблюдения за элодейцами, известными Новому Западу как Вещие, свидетельствуют, что Знак лозы присущ им в большей степени, чем населению юга Пустошей. Возможно ли, что спектр (по терминологии Метль) зависит от географии происхождения? Следует ли предположить, что и Знаку железа присущ своего рода спектр? Быть может, есть места, где люди и животные в большей степени им отмечены?

София Тимс. Раздумья о поездке к Жуткому морю

– Налетчики?! – с негодованием вскричала Каликста. – Да ты хоть видела, во что одеваются эти типы? Они же вечно в лохмотьях! А таких слов, как «чисто вымытая голова», ни разу в жизни не слышали! И кто хоть раз видел налетчика, обладавшего элементарными познаниями в обувной моде?!

– Я знала, что ты не одобришь, – не без удовольствия констатировала Максин. – Переодевание в налетчиков – идеальный план как раз потому, что ты скорее дашь застучать себя мертвой, чем в обносках, и всем это отлично известно. Вот что я называю правильной маскировкой!

Каликста скорчила гримасу. Барр, Рен, Эррол и Златопруг с гораздо меньшим неприятием отнеслись к предложению.

– Эти самые налетчики, – проговорил Эррол. – Я так понимаю, им свойственны части тела, состоящие из железа?

Златопруг объяснила:

– В Пустошах о таких, как я, например, принято говорить, что мы отмечены Знаком лозы. Это оттого, что я некоторым образом напоминаю растение. У других людей вместо растительной составляющей – металлическая. Всего чаще – железо. Многие из них становятся налетчиками.

– Не все, – вмешалась София. – Мой друг Тео никакой не налетчик, хотя у него в правой руке есть железные кости. А твоя идея мне нравится! – сказала она Максин.

– Рена с его татуировками точно никто не узнает, – заметила Каликста. – Может, нам всем подобным образом замаскироваться?

– Кучка густо татуированных контрабандистов из Индий на поезде, идущем в Территории? – скривилась гадалка. – Вот уж кому обеспечено повышенное внимание. А налетчиков там столько, что в вашу сторону вообще никто не посмотрит.

– Вы с Барром и тут можете остаться, – предложила София. – Я знаю, «Лебедь» ушел в океан, но на север вам тащиться не обязательно. Это и в первоначальный план не входило...

– Едем на север. И без разговоров, – пробурчала Каликста. – Вы, значит, отправитесь

веселиться в зону боев, а я дома сиди, точно птаха в голубятне Максин? Щас!

– Есть и еще соображения, – заговорил Рен. – Лига запросто могла расставить нам и другие ловушки. Я, например, не предвидел, что за меня награду объявят, и подавно – что о вас с Барром распустят гнусные слухи. Боюсь, Лига куда больше заинтересована в моей поимке, чем я полагал... Как бы не оказалось, что они еще не одну волчью яму нам заготовили!

Барр захлопал в ладоши:

– Итак, решено! Путешествуем на север под маской налетчиков. Максин, у тебя найдется, во что нас переодеть?

Она улыбнулась еще самодовольнее прежнего:

– Все подберем, что может понадобится. Даже тележку!

Преображение началось в длинной комнате на первом этаже. Там посередине стояли столы, заваленные коробками, джутовыми мешками и сеном, по стенам тянулись полки и виднелись платяные шкафы. Каких только диковин здесь не было! Гипсовая статуя крылатого коня, деревянная голова великана, бородастая, кривящаяся в жестокой ухмылке; чучело бобра со стеклянными бусинами глаз...

София содрогнулась.

– У Максин не дом, а пещера сокровищ контрабандиста, – ободряюще улыбнулся Барр. – Она такие дела проворачивала, что тайный вывоз парочки пиратов из Нового Орлеана на этом фоне – детский лепет, и только!

– Комплимент принимается, – отозвалась Максин. – Впрочем, мои жалкие свершения меркнут перед подвигами прабабушки. Она из Нового Орлеана тайно вывозила беглых рабов, а это вам не хухры-мухры.

У Софии округлились глаза.

– В самом деле?..

– Общим счетом двести семьдесят три человека. Задолго до восстания и провозглашения Нового Анака она помогла выбраться кому на север, кому на запад и обрести свободу. Так что я – наследственная контрабандистка, чем и горжусь!

Барр помог хозяйке вытащить из шкафа несколько сундучков. Выставленные на стол, они красноречиво звякали.

– Ах да, колокольчики, – пожаловалась Каликста. – Я и забыла: им мало ходить нематыми и одетыми не по моде, они находят нужным еще и звенеть, как ожившие тамбурины!

– Хватит жаловаться, – попенял ей Барр. – Жалобы, недостойные пиратки, которая почти на пустом месте сколотила изрядное состояние и посетила с полдюжины эпох, по ходу жизнерадостно разбивая сердца в каждом порту – только звон стеклянный стоял! Уж я-то знаю: мне осколки собирать приходилось, а они временами ой какие острые были, – добавил он злопамятно. – Короче, я бросаю тебе вызов! Можно ли, например, быть симпатичным налетчиком? Я утверждаю: нельзя. Даже ты, говорю, сестрица дражайшая, уроды-налетчика в привлекательное создание не превратишь!

Глаза Каликсты грозно сузились.

– Отлично! Вызов принят, братишка. Утверждаю, что стану самой неотразимой налетчицей из всех, кто однажды лязгал поношенными сапогами в пыли Территорий!

– Bravo! – обрадовался Барр. – Вот это храбрость, я понимаю!

Рен с Эрролом обменялись мимолетными улыбками.

София заглянула в деревянную шкапулку, выложенную изнутри бархатом:

– Ой, тут даже серебряные зубы есть!

– Несколько наборов, дитя, – сказала Максин. – Такие костюмчики подберем, что вы просто исчезнете.

Весь остаток дня они посвятили переодеванию, а вечером снова отдали должное несравненной готовке Селии. София даже подзабыла, что за стенами гадалкиного дома расстился чужой, недружелюбный город... где во всеоружии поджидала их Лига.

Вспомнить об этом пришлось на ночь глядя, когда путешественники уже собирались спать. Максин, поблескивая глазами, отозвала Софию в сторонку:

– Хочешь, деточка, я о твоём будущем погадаю?

Барр вмешался прежде, чем София успела ответить:

– Ну тебя, ты же ее до смерти перепугаешь!

– Чушь, – возразила Каликста. – Софию напугать труднее, чем большинство пиратов у нас в Индиях.

– Ты, верно, забыла, как Максин впервые гадала тебе. Ты так побелела, я думал, в обморок хлопнешься. Все солнце Испаньолы не...

– Хватит чепуху пороть! – возмутилась Каликста. – Я? В обморок? Из-за паршивого прорицания?.. Вдобавок Софии к туманным пророчествам не привыкать, спасибо так называемым авзентинийским картам с их знаменитой галиматьей...

Златопрут и Эррол со значением смотрели на девочку. Она еле заметно улыбнулась в ответ. Если не придерживать двоих пиратов за фалды, они кого угодно насмерть заспорят.

– А я не возражаю, чтобы мне Максин погадала, – сказала София. – Я, правда, в Судьбы не верю...

– Судьбы тут ни при чем, – заверила хозяйка. – Эта сила куда старше, сама убедишься.

– Я не засну, София, – шепнула Златопрут. – Вернешься, можем поговорить.

София благодарно кивнула. Максин повела ее прочь из гостиной, в заднюю часть дома, в комнату рядом с кухней. Здесь девочка еще не бывала. Хозяйка принялась зажигать свечи, разгоняя темноту, и комната стала постепенно проявляться. Середину помещения занимал круглый стол со столешницей чисто-белого мрамора. Его окружали высокие свечи, оставляя лишь узкий проход наружу. Все окна плотно закрывали темные шторы. В углу виднелся изящный шкаф светлого дерева, украшенный завитками резьбы.

– Подожди здесь минутку, София, – сказала Максин, исчезая за другой дверью в направлении кухни.

Стоя возле стола, София прислушивалась к звукам домашней жизни. Как же она успела отвыкнуть от уединения и тишины! Где-то в дальнем конце коридора еще продолжалась перебранка Барра с Каликстой. В кухне тихо возилась Максин, выдвигала какие-то ящички. На заднем плане слышалось воркование голубей... И на все накладывался отдаленный шум города. Голоса, выкрики. Цокот копыт по мостовой, приглушенный смех. И еще что-то. Едва слышный ропот или гром: то ли ветер, то ли океанский прибой...

София закрыла глаза и немедленно потеряла счет времени. Вот же странный звук: к чему его отнести? «Да это же облака», – сообразила она наконец. Желтые облака, что висели над городом, отказываясь проливаться дождем. Даже в доме Максин с его толстыми стенами чувствовалась сырость, а воздух был спертый, тяжелый... зловещий. С чего бы?..

София стояла с закрытыми глазами и задавалась этим вопросом, прислушиваясь к

далекому рокоту, словно надеясь угадать в нем слова.

Мысли разогнал звук совсем рядом. София удивленно открыла глаза: оказывается, Максин вернулась. Глаза девочки успели освоиться в темноте, теперь она различала больше подробностей. Стены покрывал темный рисунок. Линии и спирали то образовывали подобие лиц, то переливались во что-то иное. «Татуированная комната, – подумалось Софии. – Как руки Рена!»

Максин держала серебряный кувшин и большое плоское блюдо. На голове у нее была темная вуаль: очень длинная, оставлявшая на виду одни только руки. Поставив кувшин на стол, она жестом указала на шкаф в углу. Открыла дверцы, являя темную внутренность, сплошь заставленную разными предметами. София подошла к шкафу, вгляделась в его глубины.

– Выбери все, что нравится, – прозвучал голос Максин, чуть приглушенный вуалью.

Гадалка ждала, держа блюдо перед собой.

Внутри шкафа было четыре полки. Все – загроможденные донельзя. София хотела пожаловаться на темноту, потом решила, что так и задумано. Ее внимание привлекло что-то круглое на средней полке, отливающее лунным блеском, и она вытащила вещицу. Это оказался деревянный кружок, выглядевший поперечным срезом ствола. София положила его на блюдо. На нижней полке что-то мерцало, отражая пламя свечи. София протянула руку: серебряная цепочка.

Глаза окончательно адаптировались, содержимое шкафа стало видно отчетливей. Казалось, здесь свалка. Такого хлама можно набрать на заброшенном чердаке, на месте кораблекрушения, на дне старого сундука. Все же некоторые вещицы странным образом будили любопытство. София одну за другой выкладывала их на блюдо. Осколок стекла, лошадиная подкова, кусочек чего-то коричневого, не разберешь, дерево или янтарь, белая раковина, бархатная ленточка, старый ключ. Фарфоровая кукольная рука...

Даже не взглянув на Софию, Максин вернулась к столу. Медленно разложила отобранное в кружок на белой столешнице. Вернувшись к Софии, оставила блюдо, сунула руку под вуаль, вытащила серебристые ножницы. Девочка даже вздрогнула, когда безликая из-за вуали фигура к ней потянулась. По-прежнему молча Максин срезала у Софии прядку волос и бросила в серебряный кувшин.

– Сморчок – честность, фиалки – зоркость... правда в волосках, плата кровью! – Максин быстро уколола концом ножниц указательный палец, выпустила в кувшин медленную каплю. Убрала ножницы, подняла кувшин высоко над головой и взболтала. Опускала же руки с заметным усилием, словно ей сопротивлялась невидимая, но крепкая хватка. Кувшин дернулся, высвобождаясь, и Максин выдохнула.

После чего гадалка опорожнила кувшин на стол.

София ахнула. Жидкость внутри стала вязкой и темной, почти черной на белом. А вместо того чтобы собраться лужицей посередине, живо растеклась, остановившись лишь у края стола. Ее поверхность вздулась, напомнив ствол дерева, мигом раскинулись ветки, стали разделяться на тонкие прутья... Из кувшина вытекло гораздо больше, чем могло в него поместиться. Когда наконец упала последняя капля, на столешнице остался темный силуэт дерева, ветви тянулись к предметам, разложенным Максин. Казалось, чудесное дерево обзавелось весьма неожиданными плодами.

– Все правильно, – шепнула Максин, обходя стол, любуясь каждой веточкой черного дерева. – Да, да... вижу! – продолжала она, отслеживая каждый пруттик ногтем, как бы

вчитываясь в текст, разложенный на столе. – Кто бы мог подумать... – Она не договорила. – Потрясающе! Не то чтобы совсем невероятно, но до чего странно!..

И она снова заходила кругами, неразборчиво бормоча, пока не вернулась к Софии и к корням дерева.

Не поднимая вуали, гадалка вскинула голову и наконец-то встретилась глазами с Софией.

– Твоя судьба истолкована, – тихо проговорила она. – И не одна: судеб несколько. Вещицы по краю обозначают жизнь, которую ты можешь прожить. Некоторые не несут никакого значения, зато другие – жизненно важны. Как дерево предрекает многовариантность судьбы, так и вещицы принадлежат нескольким разным жизням...

София молча внимала.

– Ствол дерева – то, чего избежать никак не удастся, – продолжала Максин. – Ветви – то, в чем нельзя быть уверенным. Можно выбрать одну, а можно – другую... – Она указала пальцем. – Вообще путей такое количество, что ты могла бы потратить весь жизненный срок лишь на то, чтобы в них разобраться. Я тебе опишу только самые опасные, самые вероятные, самые важные.

София ничего не ответила, но в душе у нее все сжалось. Судьбы давно уже стали для нее пустым звуком, она больше не верила, что миром управляет некая запредельная сила. Тем не менее следила за манипуляциями Максин с ужасом и надеждой. Так, словно все это могло действительно определить ее участь.

– Вот, например, путь, который ты можешь выбрать. – Гадалка указывала на нижний сук дерева, что оканчивался подковой. – Он опасен. Ты станешь мстить за друга, которого полюбила. Месть уведет тебя во тьму, в мир страшных деяний. Под конец ты и сама начнешь их совершать...

Она заглянула девочке в лицо: поняла ли? София безмолвно кивнула.

– Этот путь менее вероятен, но тебе он покажется привлекательным. – Палец Максин проследил ветку повыше, что вела к кусочку битого стекла. – Это – путь познания. Он сделает тебя величайшим в мире картологом, наследницей дядиной славы и его титулов. Однако и этот путь опасен. Данная форма знаний, безгрешная сама по себе, привлекает внимание тех, кто горазд использовать ее не во благо. Твоим уделом станут бегство и ссылка, а знание превратится в тяжкую ношу...

И вновь она глянула на Софию, и вновь девочка кивнула в ответ. Камень на сердце становился все тяжелее. Неужели ее ничего хорошего в жизни не ждало?

– Вот еще путь. – Максин указала на ветвь, тянущуюся к бархатной ленточке. – Он надежней. Это путь благоденствия. Премудростей здесь поменьше, но есть счастье. Картология отступит на второй план, жизненным якорем станет материальная сторона мира. Исследования и выгоды. Приключения и сокровища. Уйма удовольствия, смешные опасности... все бы хорошо, но сквозит некое недовольство, неудовлетворенность... Повторюсь: здесь тебя ждут достаток и счастье, но всего, что могла бы, ты не совершишь.

София напряженно ждала.

– И вот, наконец, еще один путь, – сказала Максин. Толстая ветвь завершалась деревянным кружком и бурым комочком. – Сама не очень понимаю, что в нем к чему: он частично скрыт от меня. Выглядит опасным, но что там за опасности – сказать не могу. И – да, он принесет удовлетворение, но какого рода, не знаю. Я вижу этот путь лишь в общих чертах. Потери будут сменяться ослепительными открытиями, горе – взлетами радости,

недоумение – железной уверенностью. Путь этот сложен...

– Как же я пойму? – наконец спросила София. – Как же я пойму, на какой путь вступила? И есть ли у меня выбор?

– Выбор есть всегда. – Максин обвела рукой стол. – А пути все берут начало здесь и сейчас. Какой ты хотела бы выбрать? Я тебе подскажу, как найти его.

«Значит, месть, познание, благоденствие, неопределенность...» Даже столь краткое описание позволяло понять, что каждый путь, кроме самого первого, сулил свои выгоды. Знание – штука важная и хорошая, но что толку с него, если придется всю жизнь бегать от тех, кто желал бы им завладеть? Благоденствие тоже выглядело заманчиво. София уже насмотрелась на тех, кто избрал его для себя. Майлз, Каликста, Барр... Все они шли по жизни достаточно беззаботно. Иногда Софии тоже хотелось так жить, но... чего-то все же недоставало...

– Я бы последний путь выбрала, – сказала она вслух. – Там, конечно, сплошной туман, но... по мне, сойдет. Понимаете, я привыкла к потерям и к тому, что в итоге обязательно что-нибудь обретаю. Мне это подходит.

Максин кивнула ей. Чуть ли не поклонилась. Выпрямившись, взяла со стола деревянный кружок и бурый комочек.

– Тогда слушай, как ступить на этот путь. Ты должна запомнить три критические точки, три важных связующих звена. Одна уже совсем близко, две другие пока что за горизонтом. Итак, ты готова слушать?

София сглотнула:

– Готова.

– Вот первая. Когда увидишь рыцаря и дракона, думай лишь о собственной безопасности. Инстинкт побудит тебя остаться на месте, но ты должна будешь бежать!

– Увижу рыцаря и дракона?..

– Да, так мне открылось. Следует понимать, что это суть символы.

– Как же я их узнаю?

Максин улыбнулась ей сквозь вуаль:

– Узнаешь. Слушай дальше. Вторая точка – тебе предстоит узнать нечто, ставящее под сомнение честность любимого тобой человека. Когда это произойдет, сумей отбросить здравый смысл, вынося окончательное суждение.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что порой следует прислушиваться не только к доводам разума. Восприятие, основанное на чувстве, на интуиции, тоже иногда помогает.

– Ясно...

– И третья. Кое-что начнет менять самую землю у тебя под ногами. Что было естественно прежде, станет неестественным. Пыль обратится в воду. Страх охватит тебя. Сумей его побороть: знания, накопленные тобой, принесут ответ.

– Значит, для начала мне нужно отбросить инстинкт, потом разум и, наконец, чувства, – огорчилась София. – Что же останется?

Максин говорила ровным, ободряющим тоном.

– Их не нужно отбрасывать, просто каждый раз следует правильно выбрать, какой части восприятия доверять. В первом случае ты отодвинешь инстинкт и разумно выберешь самосохранение. Во втором – отрешись от разума и выберешь дружество. В третьем – отставишь внешние чувства и найдешь опору в знаниях. Все нужное у тебя есть: инстинкт,

разум, чувство и знания. Мое гадание лишь подсказывает, когда чем следует руководствоваться.

София медленно кивнула:

– Понятно...

– Возьми. – Максин протянула ей древесный срез и комочек. – Это ключи от пути, избранного тобой. Средство сделать первый шаг.

София взяла оба предмета и стала недоуменно разглядывать их в полутьме. Максин улыбнулась:

– А теперь помоги мне свечки задуть. Гадание завершилось.

София вернулась в отведенную ей комнату совершенно сбитой с толку. Она-то приняла предложение Максина больше ради забавы. Думала, ее ждет что-то вроде ярмарочного гадания на картах. Однако Максина оказалась настолько серьезна... так уверена в своем прорицании...

София была просто потрясена.

В маленькой спальне горели светильники. Темно-фиолетовые шторы были плотно задернуты, постельное белье опять же с фиолетовой отделкой манило прилечь. София положила подарки Максина на тонконогий столик возле кровати и уставилась на них в мерцающем свете.

В дверь негромко постучали.

– Входите, кто там, – отозвалась София.

Она ждала Златопрут и с предвкушением повернулась навстречу.

Вещая тихо вошла и прикрыла за собой дверь.

– Ты выглядишь расстроенной, – сказала она, подходя к Софии.

На ней была расшитая ночная рубашка, ниспадавшая на зеленоватые босые ступни. Наверняка позаимствованная из гардероба Максина.

– Я же не знала, что гадание окажется... таким настоящим, – сказала София.

– Полагаю, оно сходно с авзентинийскими картами, – проговорила Златопрут. – Вроде бы все правильно, но поди разберись!

– Именно, – согласилась София.

– Так всегда, когда пытаются заглянуть в будущее. Предсказания кажутся правдивыми, ибо глаголют о вполне вероятном, и в то же время туманны, поскольку достоверно знать будущее не дано никому. Это что за вещицы?

– Максина подарила. Сказала, это символы пути, который я для себя избрала. Знать бы еще, что они означают?

Златопрут взяла одну вещь за другой, повертела, вернула на столик.

– Одно – часть дерева, другое – элан.

– Элан? Что это такое?

– Иногда это слово переводится как «порыв, напор». Иногда так называют болотного лося. Оба предмета хранят в себе воспоминания...

София вздрогнула:

– Воспоминания? Ты о чем?

– Каждое древесное кольцо соответствует году. Самый последний – вот здесь, непосредственно под корой. Деревья многое помнят... А это, – она взяла бурый комочек, – часть рога элана. Самцы их каждый год сбрасывают.

– Лосиный рог, – удивилась София. – В нем-то память откуда?

– Карты памяти, в которых ты научена разбираться, изготовлены людьми, использующими предметы. Эти – не так сложны и воспринимаются скорее интуитивно. Вот карта, которую сделало дерево. Другую создал лось.

София переваривала услышанное.

– И ты умеешь читать их, потому что умела разговаривать с их создателями при жизни...

– Лось, судя по всему, до сих пор жив-здоров, – поправила Златопрут. – Рог свежий, сброшен если не в этом году, так в прошлом. Однако ты права: я умею с ними общаться, значит дотянусь и к воспоминаниям о прошлом. Тебе, София, это тоже в какой-то мере под силу. Можно сейчас и попробовать...

– Попробовать что?

– Прикоснуться к элодейскому восприятию мира.

– Но я же не элодейка, не Вещая! Я не смогу того, что дано тебе.

Златопрут улыбнулась. Положила рог, зелеными руками взяла руки Софии:

– Помнишь, что я говорила тебе в Папских государствах? О том, что тучегонители вчитываются глубже, чем мы, и лечат искусней...

– Помню, конечно.

– А знаешь, что меня поражает? Качество, делающее тучегонителей такими особенными, выделяет и тебя среди остальных. Для них время – что мимолетная тучка, поэтому их и стали так называть. Это лишь иное описание того, что делаешь ты: выпадаешь из времени.

София даже дышать перестала.

– В самом деле?..

– Да. Ты и вправду не элодейка, но, я думаю, кровное происхождение тут ни при чем. Такая форма познания не заказана никому. Полагаю, ее можно преподать, ей можно обучиться. Наверное, проще всего начать с чего-нибудь простого, вроде кости или коры. Да и навык чтения карт у тебя есть...

У Софии горло перехватило от внезапного волнения и восторга.

– Если ты правда считаешь это возможным... Конечно, я очень хочу научиться! С чего мне начать?

Златопрут сжала ее руки:

– Начнем мы завтра. До тех пор, если хочешь, повозись сама с этими сгустками памяти. Устремись на них все свои чувства и посмотри, что получится. Завтра расскажешь!

София согласно кивнула.

Златопрут присмотрелась к ее лицу:

– Похоже, ты беспокоишься о своем будущем?

– Еще как! – София тоже всмотрелась в доброе лицо Златопрут, такое близкое и знакомое. Поддавшись внезапному порыву, она крепко обняла подругу за шею. – Спасибо тебе!

Знала ли Златопрут, что сумела не только унять недавнее Софию волнение? На самом деле она подарила девочке то, в чем та отчаянно нуждалась: возможность учиться, возможность через посредство карт постигать этот мир.

4 августа 1892 года, 5 часов 15 минут

По сути, нам известно о собственно Территориях – я имею в виду ландшафты и работу стихий – едва ли не меньше, чем об их обитателях. Картологи десятилетиями пренебрегали изучением Территорий, ныне же бесконечные конфликты заставляют скептически оценивать возможность широкого научного обследования. Карты, включенные в настоящую работу (см. с. 57–62), составлены по сообщениям исследователей с Нового Запада (в том числе автора этих строк) и наблюдениям местных. И если сравнивать два этих источника, становится ясно: знания местных жителей простираются куда шире и глубже, чем способен уловить чужестранец.

Шадрак Элли. История Нового Запада

Майор Меррет был потомственным военным. Он учился в Виргинской академии, которую прежде посещал и его отец. Его дедушка сражался против повстанцев, в итоге отвоевавших Новому Акану независимость. Прошло девяносто лет, настала очередь внука драться с Новым Аканом, притом в условиях гораздо более опасных. Государство бывших рабов выступало в союзе с обширными Индейскими территориями – страной, чье могущество и возможности никто не брался даже оценивать.

Майор Меррет не был склонен преувеличивать силу противника. Просто потому, что народы, обитавшие вне границ Нового Запада, он по преимуществу презирал. Если уж на то пошло, настоящие люди, достойные уважения, обитали исключительно в Южной Виргинии, на его, майора Меррета, родине. Впрочем, он был человеком осмотрительным. Мало ли что про себя он считал Индейские территории пыльным пустырем, Новый Акан – пустырем мокрым, а население обеих стран – бандой оборвышей и мерзавцев! Вслух он преподносил неприятельские страны вполне профессионально, то есть как могучих и опасных врагов.

Как же его бесило, что в столкновении с ними у него самого под командованием оказалась банда оборвышей и мерзавцев! Часть вообще составляли арестанты – бывшие заключенные, не знавшие правильного обращения с оружием, чей боевой опыт исчерпывался схватками, обусловленными жадностью, или хулиганскими побуждениями, или неуклюжей самообороной. Меррет всерьез задавался мыслью, чем же он до такой степени прогневал начальство? Поставить его над тунеядцами и откровенными негодьями! Непостижимо!..

Майор Меррет даже не скрывал своего презрения к подчиненным. Напротив, день ото дня оно становилось лишь заметнее. И в итоге утром четвертого августа, когда его воинство оказалось на пороге Индейских территорий, то есть в двух шагах от неприятеля, майорское презрение обрушилось на отряд, как пылающие стены дома, исподволь подточенного огнем.

Стало ясно: сколько майор Меррет ни приучал солдат к дисциплине, арестанты по природной тупости ничего так и не усвоили. Это он со всей военной прямоотой им и вывалил.

Они стояли неровными рядами, неопрятные и растрепанные. Вереница дней в постоянной сырости как будто вымыла из них те крохи дисциплины, что он сумел им внушить. Тяжелые желтые облака, недвижно висевшие над головами, делали воздух тлетворным. Где-то ворочался гром, но дождя не приносил, лишь еще худшую духоту. Войско больше не могло ее выносить. Люди не находили отдыха даже во сне, только накануне вечером вспыхнуло несколько драк. И вот теперь вместо внимательных, послушных солдатских лиц Меррет видел перед собой плохо выбритые, серые от недосыпа, злобные рожи.

Зрелище наполнило его душу яростью и отчаянием.

Голос майора звучал сдержанно, но все равно разносился по рядам.

– Я потратил не одну неделю, пытаясь загнать под ваши толстые черепа простейшую мысль: еще несколько дней, и вы будете сражаться с людьми, добровольно пожелавшими драться в этой войне! Будучи по своей тупости неспособны этого осознать, вы предпочитаете драться между собой. Вместо того чтобы готовиться к грядущим боям!

Он посмотрел на двоих драчунов, выведенных из строя. Эта парочка особенно его возмутила. За что теперь и торчала у всего отряда на обозрении. Один, звали его Мак-Вильямс, стоял со скучающим видом, уперев мясистые ручищи в бока. С костяшек еще не сошла краснота на месте соударения с физиономией оппонента. Второй, Коллинз, смотрел заплывшими, подбитыми глазами в землю и трясся всем телом: вот-вот свалится вовсе. Смерив их оценивающим взглядом, Меррет надумал сделать обоих наглядным примером. Задира и слабак! Пригодится тот и другой.

– Если бы все зависело от меня, – рычал майор, – я бы с радостью отправил вас через границу на гибель – заслужили! К сожалению, мне задача поставлена, работу надо работать, а вы – негодные орудия, которые мне выдали! – И резко повернулся к дрожащему Коллинзу: – Никак боишься того, что ждет тебя на Территориях? А, Коллинз?

Солдат дернулся всем телом. Со страхом покосился на Меррета. Какого ответа ждал от него майор?

– Отвечай, Коллинз! – рявкнул Меррет.

Тот кое-как выпрямился и сжал зубы, пытаясь изобразить стоицизм. Сделав усилие, он даже перестал трястись. Сжал тонкие пальцы в кулаки, сдвинул худые коленки. В родной Филадельфии Коллинз работал печатником; его бросили в тюрьму за то, что опубликовал ядовитую карикатуру на Гордона Бродгёрдла. До того как угодить в переплет, в его жизни самым близким соприкосновением с насилием был приятельский спор с братом, касавшийся стоимости нового печатного станка. На Западной войне Коллинзу было определено не место, и он прекрасно это понимал.

– Никак нет, сэр, – выдал он заведомую ложь. – Не боюсь.

– А Мак-Вильямса боишься?

Коллинз сглотнул. Он вконец сбился с толку.

– Пытаюсь не бояться, сэр...

– А меня? Меня боишься?

Коллинз набрал побольше воздуха в грудь. Он-то начал уже думать, будто некоторым чудом дает правильные ответы. Теперь, однако, было похоже, что его вели в западню, и он не знал, как спастись, потому что ловушка оставалась неочевидной. Врать он уже пытался; видимо, пора попробовать правду.

– Да, сэр, – сказал он.

И... распростерся носом вниз, даже не поняв, что и каким образом произошло. Мокрая

земля оказалась вдруг у самого его лица, а сверху, удерживая, навалилась некая тяжесть.

Пряча удовлетворение, майор Меррет оглядел изумленных солдат. Несколько удивился даже Мак-Вильямс. Наступив башмаком на спину Коллинзу, майор придавил его еще крепче.

– Ты еще не начинал бояться как следует, Коллинз, – сказал он, подпуская в голос металла. – Дай я тебе кое-что объясню. Возможно, тебя индейцы убьют. А может, Мак-Вильямс весь последующий месяц будет каждый день ставить тебе фонарь. Но никто из них не достигнет того, что могу сделать я! Им не по силам лишить тебя самоуважения, заставить жалеть, что ты не сдох в филадельфийской кутузке...

Коллинз закашлялся. Попытался приподнять голову, но майорский башмак не позволил.

Меррет ждал, давая подразделению как следует переварить унижение Коллинза. Он заметил, как скучающее выражение Мак-Вильямса сменилось самодовольным.

– Твои обидчики не смогут заставить тебя грызть землю, а я могу, – проговорил наконец Меррет.

Хлюпик у него под ногами был жалок. Форма разорвана – скорее всего, в драке с Мак-Вильямсом. Кожа на руках сморщилась, еще чуть – и выглянут кости. Меррет содрогнулся от отвращения. Проговорил отдельно и четко:

– Ешь землю, солдат!

Среди солдат поднялся легкий ропот, но майор демонстративно не обратил внимания.

– Я сказал, Коллинз, ешь землю!

Еще налег башмаком, стал ждать.

Медленно, нерешительно Коллинз приник лицом к земле. Давящая тяжесть чуть отпустила. Приоткрыв рот, он соскреб зубами немного земли. Майор вновь надавил...

– Я что сказал? Ешь! Глотай!

Меррет вновь покосился на Мак-Вильямса. Самодовольство на его роже уступило место легкому беспокойству. Меррет чувствовал, как под ногой двигались ребра Коллинза.

– Еще! – велел он и приподнял башмак, давая Коллинзу возможность вновь повернуть голову к земле.

Тео стоял во втором ряду, наблюдая, как майор преподносил урок дисциплины. Его подташнивало, словно самому приходилось глотать грязь. Казанова рядом с ним ощутимо излучал ярость. Да не он один – все. Тео чувствовал и кое-что еще: к ярости примешивался страх. Казалось, они сидели в темной пещере, пронизанной запахом сырости. И вот из глубины начала истекать вонь гнилья, смешалась с влагой и затхлостью, пока наконец дух плесени не пропитал все и вся. Тео не взялся бы сказать, как обстояло дело со страхом у него самого: зарождался он внутри или впитывался из воздуха. Он молча наблюдал, как Меррет заставлял Коллинза вновь и вновь глотать землю. К середине этого урока страха Тео испытал необычное чувство. Ему захотелось выручить Коллинза, даже не задумываясь о цене. В темной, душной пещере как будто вспыхнул очистительный огонь.

– Ну-с, Мак-Вильямс? – при всеобщем молчании осведомился Меррет.

Теперь Мак-Вильямс смотрел на него с открытой ненавистью. Скука, самодовольство и сменившее их беспокойство выкристаллизовались во что-то новое.

– Собираешься что-нибудь предпринять? – издевательским тоном продолжал майор. – Никак у тебя хватает благородства и здравого смысла заступиться за сослуживца, которого землю есть заставляют? Ты ведь следующий раз можешь оказаться на его месте! Ну?

Он смотрел на Мак-Вильямса, презрительно улыбаясь. Потом убрал ногу со спины Коллинза, отступил.

Коллинз закашлялся. В следующую секунду его начало рвать. Мак-Вильямс награбил майора последним презрительным взглядом, присел на корточки, бережно помог Коллинзу подняться хотя бы на колени. Даже гладил его по спине, пока Коллинза выворачивало наизнанку.

Огонь в душевной пещере Тео успел угаснуть. Его сменило холодное отвращение: Меррет ловко манипулировал и Мак-Вильямсом, и всем подразделением. Намеренно заставил их испытать сперва гнев, потом страх и, наконец, желание защитить Коллинза.

Что ж, урок Меррету удался. Впредь они не будут драться между собой. Теперь у них есть общий враг...

Когда майор распустил подразделение, приказав разбивать лагерь, солдаты со всех ног кинулись прочь. Один Тео остался на месте. Тучи над головой снова зарокотали. Тео форменным рукавом утер со лба пот.

– Эй, – Казанова взял его за плечо. – Пошли. – Тео не отозвался, и он продолжил: – Знаю, Меррет, конечно, скотина... Но что мы можем сделать?

Тео моргнул, повернулся к другу:

– Меррет не скотина. Он клоун. Надо, чтобы ребята поняли это!

Казанова покачал головой:

– Что ты имеешь в виду?

– Над клоунами положено смеяться, так ведь? Если сумеем посмеяться над ним, мы больше не будем бояться!

Казанова прищурил глаз, не затронутый ожогом:

– Не знаю, что у тебя на уме, Тео, но лучше не делай этого.

И с обеспокоенным видом повел Тео в палатку.

6 августа 1892 года, 19 часов 36 минут

Я прихожу к выводу, что граница между созерцанием настоящего и предсказанием будущего весьма условна. Кажется, это совсем разные понятия, но, допустим, одно просвечивает сквозь другое? Мне доводилось наблюдать столь совершенное, столь всеобъемлющее восприятие мира, что вероятное будущее переходит из ведомства догадок и воображения в разряд закономерных следствий настоящего.

София Тимс. Раздумья о поездке к Жуткому морю

По уму, следовало бы выспаться: они собирались покинуть дом Максин еще до рассвета. Однако слова Златопрут – о том, что она, София, может оказаться сродни Вещим, – отогнали прочь всякий сон. Устроившись на краю постели, девочка изучала два подарка гадалки. «Чуточку повожусь с ними – и лягу!»

Гладкому древесному спилу чуть-чуть не хватало до идеального круга. Срезали его настолько гладко, что было хорошо видно каждое кольцо по отдельности, все оттенки коричневого, от светлых до темных. София водила по ним пальцем, раздумывая, удастся ли посредством осязания прикоснуться к воспоминаниям дерева. Увы, никакого отклика уловить не удалось.

Она стала рассматривать внешний край спила. Вот защитная броня дерева, тонкий, крупитчатый слой... «Я ведь даже не знаю, что это за дерево», – подумалось ей. София вытащила из сумки карандаши, открыла альбом на чистой странице. Тщательно зарисовала гадальное дерево Максин, отметив пути будущего, которые решила не избирать. Зафиксировала советы гадалки, касавшиеся трех перекрестков судьбы. Потом зарисовала обе доставшиеся вещицы и составила список вопросов. Выглядел он так.

Вопросы по карте Максин:

1. *Что это за дерево?*
2. *Каким инструментом его срезали?*
3. *Кто его срезал?*
4. *Влияет ли на карту инструмент дровосека и его личность?*
5. *Когда образовалась карта: в миг спиливания, либо позже, либо при жизни дерева?*

София задумчиво постучала карандашом по подбородку и приписала:

6. *Свойственно ли этим картам спать и пробуждаться, как другим картам памяти?*
7. *Если свойственно, чем пробуждается древесная карта?*

Она вновь стала разглядывать спил, прикидывая про себя разные варианты. Вода?

Солнечный свет? Земля?

София окунула палец в стакан с водой, стоявший на столике. Уронила на деревяшку несколько капель. Ничего не произошло.

– Солнце и землю до завтра все равно не попробовать, – вполголоса пробормотала девочка.

Перевернула еще страницу в альбоме и написала:

Наблюдения по поводу дерева и рога.

Дерево: гладкое на ощупь (кроме коры).

Поднесла спил к носу, понюхала. Альбом украсился строчкой: «По запаху напоминает сосну».

Тут ее осенило, что она еще не пересчитала древесные кольца. Ведя пальцем от края к середине, София насчитала сорок три слоя. «43 кольца. В этом возрасте дерево спилили».

Далее, хоть это и выглядело глупо, София поднесла древесный кружок к уху. «Никаких звуков не издает».

Подумала немного – и лизнула спил. «Вкус древесный, как и следовало ожидать».

София еще некоторое время раздумывала над деревяшкой, но ничего внятного и достойного записи больше в голову не пришло. Вздохнув, девочка отложила спил и взялась за кусочек рога.

«Лосиный рог, – записала она. – На ощупь гладкий, за исключением места излома: там выглядит словно сломанная кость. Цвет темно-коричневый, почти как у старого дерева».

Испытав рог прочими органами чувств, София добавила: «Вкуса не ощущается, звуков не издает, пахнет старым пальто».

Составила список вопросов.

1. Почему этот кусок отломился от рога?

2. Он сломался до или после того, как лось сбросил рога на зиму?

3. Каким образом воспоминания записываются в рога?

4. Если это тоже спящая карта, как ее пробудить?

Чувствуя, что иссякла, София уставилась в пространство. Живого лося она никогда не видела, но попыталась хотя бы чисто умозрительно представить его повседневную жизнь в лесных дебрях. Должно быть, он занимался тем, что пасся и ходил на водопой. Вероятно, одолевал немалые расстояния. Были рядом с ним другие лоси? А люди? Или он в одиночестве свои дни проводил? Воображение уже рисовало зеленые холмы, прохладу соснового бора, теплые пруды с грязью на дне...

Голова приникла к подушке, взгляд устремился в потолок. София представила тропку, неторопливо вьющуюся через поле. На другом конце виднелся лес. Над высокой травой с гудением вились насекомые, за ними стремительно пикировали птицы...

Ветерок вдруг всколыхнул темные шторы, в комнату ворвался сырой воздух. В тучах над городом глухо зарокотало. Кусочек рога так и лежал у девочки на ладони. Пальцы непроизвольно сжались, дыхание стало медленным и равномерным. Вскоре София заснула и увидела сон.

Шел дождь... Она устало тащилась по тропе через лес, глядя на мир с высоты изрядного

роста. Кругом росли ели, ивы, осины. Во сне София хорошо знала их, каждое дерево было ей другом. Их ветви гладили ей бока, влага с листьев приятно холодила кожу. Впереди показалась прогалина. Усталость сменилась облегчением: дом рядом. Когда они добрались – София некоторым образом знала, что была не одна, – дождь прекратился, сменившись клубами густого тумана. Из мглы выплыл дом с низко нахлобученной крышей и бревенчатой односкатной пристройкой. Короткая труба изливала дождевую воду в каменную чашу у входа.

– Вот мы и пришли, Нош, – сказал тихий голос над ухом.

Потом сон сменился.

София стояла на вершине холма. Рядом с ней вдаль вглядывался юноша. Внизу простиралась долина, там виднелась уединенная роща. Деревья в ней поражали неизъяснимой, удивительной красотой. «Не для еды они», – с некоторым сожалением подумалось Софии. Ее очень тянуло попробовать их на вкус, но некая могущественная сила, умевшая обратиться непосредственно к сердцу, требовала воздержаться.

Юноша, стоявший рядом, обратился к ней лицом:

– Как думаешь, Нош?

Он выглядел озадаченным. Он был из Вещих: коротко остриженные волосы, кожа на лице отливала зеленью вдоль края волос. Глаза под черными бровями были темными, задумчивыми. Он спрашивал ее мнения, ей же хотелось лишь любить его, защищать.

– Что мешает нам подойти ближе? – сказал он словно бы в ответ на ее мысли. Положил руку ей на плечо, стал безотчетно гладить пальцами шею.

Пока они стояли там, глядя вдаль, на вершине холма за долиной возникла некая фигура. Юноша заметил ее и напрягся, всматриваясь с интересом. Незнакомец начал спускаться по склону, постепенно приблизился, долетел ослабленный расстоянием крик...

– Скорбящий, – ахнул юноша.

Внимание Софии привлекло движение слева. Между холмами на юге появился кто-то еще. Это существо двигалось проворно, словно его тянули вперед на веревочке. Его крики были всхлипами, долетавшими по ветру. София фыркнула, стараясь предупредить юношу.

– Правильно, – отозвался тот. – Двое скорбящих!

Фигуры встретились на краю рощи, слились, исчезли под деревьями... Неожиданно стало тихо.

И вновь все поменялось. Теперь София изо всех сил бежала сквозь темноту. Она обоняла запах огня, сердце бешено колотилось. Те же деревья, что прежде ласково гладили ей бока, теперь царапали, обдирали. Ужас рвался вон из груди, словно живое существо, мчавшееся быстрее ее самой: прочь, прочь!

– Спаслись... спаслись, – долетел чей-то голос.

Слова! Что они могли значить, какая цена им была, когда она пыталась догнать собственный ужас? Пыталась и не могла: он летел впереди неуловимым злым духом...

...София вздрогнула и проснулась. Сердце бешено колотилось. Обломок рога выкатился из ладони. Девочка прижала руки к груди, хватая ртом воздух и слегка удивляясь: дымом не пахло. Сновидения казались настолько реальными, что ей даже не сразу удалось вспомнить, кто она и где находится. «Нет никакого пожара, – говорила она себе. – Нигде ничего не горит, я в безопасности...»

Лампа у кровати еще светила. София перекатилась лицом к столику, посмотрела на часы. Почти три ночи. Скоро вставать, чтобы поспеть на поезд... Девочка со вздохом откинулась на подушку.

Вспомнив про кусочек рога, она не без труда нашла его в смятых простынях, взяла и стала рассматривать. «Это твоя память была или мой собственный сон?..» – безмолвно спрашивала она обломок.

Наконец, положив его на столик, она закрыла глаза. Надо подремать, пока Максин в дверь не постучала...

7 августа 1892 года, 3 часа 51 минута

Главнейшим препятствием в большинстве случаев является время. Попробуйте вообразить обстоятельства, в которых оно ничему не мешало бы! Представьте улитку, медленно ползущую по садовой дорожке. Глядя, как она подбирается к капустному листу, вы не сомневаетесь в том, что будет дальше, ибо это очевидно. Очевидна и участь улитки: сюда уже подходит садовник с ведерком соли. В чем же различие, когда дело касается нас? Возможно ли, что самые потрясающие провидения будущего на деле суть вполне обыденные наблюдения настоящего, предпринятые неторопливо и мудро?

София Тимс. Раздумья о поездке к Жуткому морю

В предрассветных потемках Максин упаковала шестерых путешественников, облаченных как надо, в одну большую карету. Они собирались сесть на утренний поезд, шедший в город Солёный. Состав отбывал с вокзала Нового Орлеана в четыре часа двенадцать минут.

На прощание Максин пожелала им доброго пути и перед посадкой в экипаж каждого обняла.

– Вид у тебя, дитя, – не придраться, – сказала она Софии.

Та криво улыбнулась:

– Это пока темно...

– И звук подходящий, – возразила Максин, кивая на крохотные колокольчики на плаще девочки.

Они непрестанно звенели, пока София втискивалась между Эрролом и Златопрут. Каликста, Рен и Барр разместились напротив.

– Берегите себя, – тихо проговорила гадалка и закрыла за ними дверцу.

Каликста стукнула в крышу. Лошади взяли с места, колеса застучали по мостовой...

Внутри была крошечная темень, но София успела рассмотреть своих спутников при теплом свете на кухне Максин. Как ни странно, из них таки получились вполне убедительные налетчики. Лохмотья, обшитые латунными колокольчиками, до неузнаваемости изменили их внешность. Со лба Златопрут густо свисали серебряные цепочки, скрывавшие половину лица: только глаза блестели. Руки прятались в кожаных перчатках, усеянных мелкими стальными шипами. В волосах переливалось множество колокольчиков с ноготок величиной. Эррол вставил в рот металлические зубы и долго смеялся, глядя на свое отражение в зеркале. После чего кое-как прошамкал:

– Бум набеяться, фо ошобо гово'ить не прибеся...

– Говорить буду я, – заверила Каликста.

Одета она была примерно так же, как Златопрут, только на голове сидела корона с длинными и острыми лепестками: то ли украшение, то ли оружие. На шее – ожерелье из

длинных цилиндрических колокольцев, звякавших на каждом шагу. Обуви на свой вкус у Максина она не нашла, соорудила сама.

– Ну что? Я выиграла? – в восторге спросила она брата, красуясь высокими кожаными сапогами со стальными мысками.

Барр и Рен экипировались почти одинаково – в потертые почти до дыр плащи поверх толстых клепаных безрукавок и штаны с вереницами колокольчиков по внешнему шву.

София держала свой плащ, расшитый множеством колокольчиков, сложенным на коленях. Одежду она оставила свою собственную, благо та выглядела идеально потрепанной, добавив лишь перчатки, плащ и крепкие шипованные ботинки. И маску чуть попроще, чем у Златопрут. На лицо спускались три тонкие серебряные цепочки, прихваченные на лбу серебряной же бусиной. Цепочки щекотали кожу, ощущение, как ни странно, было приятным; тонкие, словно ниточки, они казались какой-никакой, а защитой. «Вот почему налетчики цепляют на себя столько металла», – раздумывала она, глядя в окошко на темные улицы Нового Орлеана.

Железнодорожный вокзал был не так далеко от дома Максина. Несколько минут они ехали в молчании, потом карета остановилась.

– Это ведь не станция, – пробормотала Каликста. И высунулась в окошко: – Эй, кучер!

Ответа не последовало. Пока пиратка искала дверную ручку, из темноты раздался незнакомый голос:

– Ричард Рен! Это Брюс Дэвис, агент номер шесть-один-один. Прошу вас в одиночку покинуть экипаж. У меня приказ немедленно вернуть вас в Сидней.

Шестеро, сидевшие внутри, замерли.

Каликста наклонилась к открытому окошку.

– Никакого Ричарда Рена здесь нет, – сказала она. – Мы налетчики с Медной горы, держим путь на север, в Солёный. Ошибочка вышла!

Голос сухо ответил:

– Ошибочки у нас редко случаются, капитан Моррис. Я не только знаю по именам всех, кто здесь находится, но и все ваши перемещения за последние двадцать часов. У нас были свои причины не трогать вас непосредственно в доме госпожи Биссэ, но мы уже тогда были готовы встретиться с вами. – Он прокашлялся и снова окликнул: – Агент Рен?

Прошло еще несколько мгновений. Рен нагнулся к окошку:

– Агент Дэвис, я выйду из экипажа и поеду с вами в Сидней при одном условии...

– Не вам выдвигать условия, Рен, – после паузы донеслось снаружи. – Со мной еще четыре агента.

Рен заколебался...

– Подумаешь, четыре агента! – яростно зашипела Каликста. – Еще не хватало – сдаваться! Давайте их уконтрапупим по-быстрому – и на поезд!

– Ты не понимаешь, – сказал Рен. – Если я не сдамся, нас почти наверняка убьют. – И снова обернулся к окну: – Агент Дэвис! Если мы со спутниками надумаем сопротивляться, моя поимка вам недешево обойдется. Я готов сдать в обмен на обещание, что мои товарищи смогут продолжить путь невозбранно, а Лига навсегда забудет об их существовании!

– Послушайте, агент, – раздалось в ответ. – Вы не хуже нас знаете протокол. – Снаружи вновь помолчали. – Самое большее, что я могу обещать, – не арестовывать их в сию минуту. Что касается будущего, никакого слова дать не могу.

Снова воцарилось молчание. Пользуясь секундой затишья, Барр подался вперед, обращаясь к сестре:

– Помнишь, как мы пытались схватить Феликса и в Гавану доставить? – И ностальгически вздохнул: – Что за денек был...

Каликста хихикнула. Столь неожиданное воспоминание вовсе не показалось ей неуместным.

– Такое не забывается, – сказала она. – Мы же тогда Персика встретили.

– Вот что я называю хорошо разыгранной картой.

– И то сказать! Легкий недокомплект, но зато как разыграно...

– Послушайте, – резко проговорил Рен. – Я тут, вообще-то, сообразить пытаюсь, как мне быть!

– Рен! – окликнули с улицы.

Он передвинулся на край сиденья и тяжело проговорил:

– Что ж, коли так...

Но не успел он сдвинуться с места, как Барр, сидевший у дверцы, рывком распахнул ее и одним прыжком выскочил вон. Дверца с треском захлопнулась.

– Гони!.. – заорал он кучеру. Коляска тотчас покатила вперед.

Рен промедлил всего мгновение.

[Купить полную версию книги](#)